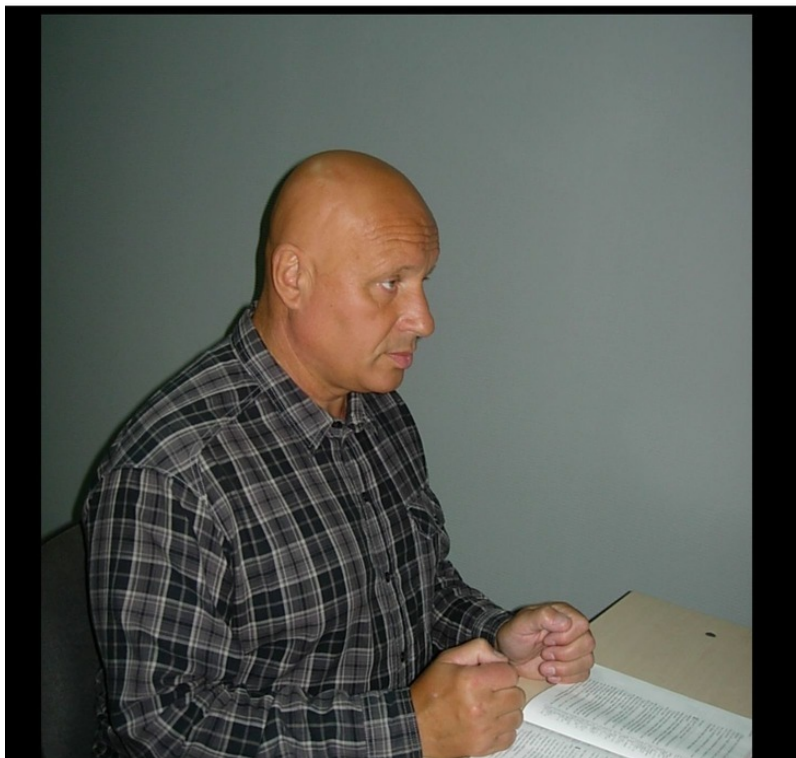

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ

Исповедь проповедника

Александр Михайлов

Исповедь проповедника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781611

ISBN 9785005087645

Аннотация

Это рассказ о моих волнениях, переживаниях и размышлениях, и вообще жизни день за днем в период религиозного кризиса, то есть прихода к вере, приобщения к религии и уход от таковой. Или как я дошел до жизни такой, что стал христианским проповедником, и как я с этим жил, и куда оно все потом делось. Но это не богословский трактат, не наставление по рукопашному бою, не диалоги о рыбалке и не камасутра. Это просто художественная зарисовка.

Содержание

ИСПОВЕДЬ ПРОПОВЕДНИКА	5
АННОТАЦИЯ	6
От автора	7
До кризиса	9
Весна	26
Лето	88
Осень	113
Зима	159
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Исповедь проповедника

Александр Михайлов

© Александр Михайлов, 2019

ISBN 978-5-0050-8764-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСПОВЕДЬ ПРОПОВЕДНИКА

или от веры до религии или от весны до осени

АННОТАЦИЯ

Это рассказ о моих волнениях, переживаниях и размышлениях, и вообще жизни день за днем в период религиозного кризиса, то есть прихода к вере, приобщения к религии и уход от таковой. Или как я дошел до жизни такой, что стал христианским проповедником, и как я с этим жил, и куда оно все потом делось.

Но это не богословский трактат, не наставление по рукопашному бою, не диалоги о рыбалке и не камасутра. Хотя всего этого здесь более чем достаточно.

Не судите строго за возможное искажение фактов, я в широком смысле художник, все вижу под нестандартным углом, поэтому что написал, то написал. Это просто художественная зарисовка. Все возможные совпадения случайны. Выражаю искреннюю и глубокую благодарность всем женщинам, делившим со мной постель в период написания книги.

От автора

Кризисы бывают разные. Точно также, как и любовь бывает к женщине, а бывает к родине. И если в первом случае я хочу близости и общения именно с той женщиной, с которой говорю о любви, то во втором получается так, что хочу ревностно выполнять все приказы руководителей и вообще чиновников того государства, на территории которого проживаю. То есть слово одно, а вещи совершенно разные.

Точно также и с кризисами. Они могут быть возрастными, творческими, интимными, или, как вот у меня, религиозными. Но это в любом случае стресс, без которого можно было бы и обойтись. И чем я так Создателю не угодил? Хотя с другой стороны, не зря ведь сказано, что кого люблю, того и наказываю.

Религиозный кризис пришелся, по возрастному гороскопу, на конец возраста собаки (31 – 42), и на первую треть возраста змеи (42 – 55).

Выделенные курсивом тексты это цитаты из Библии. Приведены по синодальному переводу, как наиболее распространенному. Если бы я писал эту книгу во времена соцреализма и делился бы впечатлениями изучения и применения тогдашней идеологии, то точно также пересыпал бы авторский текст цитатами из трудов основоположников и продолжателей марксизма-ленинизма.

Но здесь и сейчас я верующий христианин, протестантской ориентации, соответственно моим первоисточником является Библия, потому и цитаты из нее.

А ссылки не указаны потому, что это все-таки художественная книга, а не научный трактат, и эти же цитаты с указанием ссылок приведены в другой моей книге «Туман библейских доктрин». Так они более уместны. По крайней мере, мне так кажется.

До кризиса

Вообще кризис – это переход, перелом, переворот, когда все вроде есть, но чего-то не хватает, либо когда все заходит в тупик. По меткому выражению основоположника «верхи не могут, а низы не хотят». Острословы весьма удачно применили этот тезис к интимной жизни, когда становится необходимым вносить в нее радикальные изменения.

Для наиболее любимого мной человека, то есть для себя, тупиковая ситуация пока еще никогда не наступала, а смена места жительства, работы, вида деятельности и тем более круга общения не более чем смена времен года или даже погоды. То есть мне достались именно те переживания, когда все есть, но чего-то не хватает, образно выражаясь, чего-то хочу, а кого – не знаю, а кого знаю – не хочу.

От подобных кризисов не застрахован никто, главное сначала до него дожить, а затем как-то пережить. Не знаю, хорошо это или плохо, но это есть и никуда от этого не деться. Меня вот он тоже накрыл, вконец извел своей простотой, и через некоторое время оставил. Естественно, что это запомнилось.

Вроде ничего особенного – и солнце такое же, и рыба все в той же речке, и женщины те же, даже пиво не изменилось, а что-то не так. Что же произошло? Появилась тоска. Тоска по непонятно чему, но чему-то или уходящему безвозврат-

но, или скорее даже еще не появившемся.

И откуда все это черти взяли, ведь никакого кризиса и никакой тоски ничто не предвещало. Хотя мне уже довольно много лет и активная жизнь к этому возрасту статистически заканчивается, я считал себя в расцвете сил и здоровья. Рост 176, вес чуть больше ста. Не сказать, что я толстый, скорее плотный, или даже атлетически сложенный, хотя особо рельефной мускулатуры и нет. Она у меня азиатского типа, вроде статуй Будды. В двадцать лет было 70, к тридцати пяти стало 80. Окабанел я в 39 после травмы позвоночника. Травма немножко опустила с небес на землю, но пережил. Вес при этом поднялся до 90, а постепенно дошел до 95.

Вот в этом весе я почувствовал себя по-настоящему комфортно. А потом опять травма, вес резко упал, а потом также резко поднялся и зашкалил за 100, примерно 102—104. Таскать такое на себе некоторое время было тяжело, потом постепенно привык. Кроме того, это если взвешиваться в повседневности. А если после тренировки и бани, то где-то не больше 100. Последняя же травма веса совсем не прибавила. Видимо все. Далее, если со здоровьем будет все в порядке, буду постепенно усыхать.

В среднем такое соотношение роста и веса не совсем хорошо. Но это с одной стороны. С другой же стал устойчивее стоять на ногах. При этом все, что было раньше, в разумных пределах почти сохранилось. То есть, хоть уже и не мог сделать переднее сальто и даже подъем разгибом, но заехать

по голове круговым ударом ноги еще мог. И никакого особого живота и всего сопутствующего – подтянутый, с развитой мускулатурой. Просто видимо сама кость потяжелела.

Я скорее симпатичный. По-прежнему яркие губы и блестящие глаза, прямой взгляд, точные движения и осанка спортсмена, пусть и бывшего.

Добавить к внешности уместно прическу. Прическа моя бритый ежик, лысый кактус, кожаная голова. Это не дань моде, просто так оказалось наиболее удобно. Изначально волосы были очень хорошие. Густые, с каштановым отливом и росли быстро. Конечно же, я носил длинную прическу. В середине девяностых даже хвост отрастил. Но вот потом как-то резко они поседели. По-прежнему остались густые, и расти медленнее не стали, только изменившийся цвет мне совсем не нравился.

Естественно, что если длинная пакля не впечатляет, то стал стричь все короче и короче. Потом надоело часто ходить в парикмахерскую, купил машинку и стал стричься сам. Как-то запустил свой ежик, дней десять не стригся и машинка на нем просто сломалась. Оставлять недостриженные клоки или клока не хотелось, поэтому просто сбрил все оставшееся. Оказалось, что так даже лучше, а из окружающих никто и не заметил, что я побрит, а не пострижен. Это судьба. Теперь брею голову одновременно со щетиной. Красота, никаких проблем. Прическа, можно сказать, эволюционным путем доведена до совершенства.

В торговом центре однажды наткнулся на молодую продавщицу. В общем-то, ничего особенного, только прическа для девушки нестандартная – стриженная машинкой налысо. Не могу сказать, что она мне была нужна, просто было очень интересно в принципе, как до жизни такой доходят молодые девушки.

Помню, меня так постригли лет в шесть, говорили, что в целях профилактики. В армии я даже на сто дней до приказа стричься налысо не стал. А если я сейчас и лысый, так это прическа, как я уже говорил, доведена до совершенства эволюционным путем. На вопрос, как это она так сподобилась, девушка ответила, что вот захотелось и все. Да и ответила как-то косноязычно. Видно, послать по известному адресу из трех букв было бы для нее более естественным, чем объяснить ход мыслей.

Месяца через три я опять туда заглянул. Однако не судьба, девушка хоть и была на месте, но с прической отросший ежик. Она больше налысо не стриглась. А интереса к ней как таковой как не было раньше, так тем более не появилось и сейчас.

Что еще. Работать продолжал преподавателем. Иногда работал и со студентами, но все больше на краткосрочных бухгалтерских курсах. Университет хоть и организовал эти курсы для переподготовки специалистов, но учились все желающие, в основном женщины. Причем разного возраста, что создавало питательную среду для знакомств. Оно ведь все-

гда так, то хочется полета молодости, или даже «пыльцы девственности», то зрелый плод кажется слаще.

Зачем человек вообще живет. Вот конкретно «Я» – для чего я живу. Честное слово, не знаю. Но, по крайней мере, неправильно категорично утверждать, что без меня было бы все лучше. Ведь даже чья-то заведомая «лучшесть» и то нуждается в сравнении. Может, как раз наоборот, я нужен именно для того, чтобы не было другого, более худшего. Я необходим в определенный момент, а потом, когда необходимость отпадает, от меня можно оттолкнуться и идти дальше.

На чем-то ином и не настаиваю, меня вполне устраивает. Можно даже считать, что в этом мое предназначение. Не зря я по натуре если преподаватель, то именно краткосрочных курсов. Если же писатель – то публицист, пишущий «на злобу дня», а не романист или фантаст, где «здесь и сейчас» не очень важно. А если консультант – то по конкретному кругу вопросов, а не на все случаи жизни. Помру я, видимо, всеми брошенный, под забором. Но все равно я был, есть и буду сам по себе, полностью самодостаточный, насколько это возможно.

У меня всегда было чувство, что я иду вперед по коридору. Если отступаю вниз – меня вытаскивают назад и не дают утонуть, если взлетаю вверх – опускают вниз. Вся моя свобода внутри жестких рамок. Стоит заработать больше денег – сразу соблазны увеличиваются, деньги утекают в никуда, а новых не появляется. Разве что прожиточный минимум

остается.

Стоит появиться эффекту от тренировок – случается травма или болезнь. Но опять же, от болезни дается лекарство, а травма заживает. Как будто идешь по коридору, ну и иди себе. Шаг влево, шаг вправо – регулируется. Достижения пошли – назад, не высовывайся. Напасти свалились – вытащим.

Однажды, перед вступлением в должность преподавателя одного из вузов, со мной беседовала главная кадровичка. На ее вопрос о хобби я начал рассказывать о физической подготовке. Однако тетка меня прервала важным, видимо с ее точки зрения замечанием, что физкультура не хобби, не развлечение, и не роскошь, а суровая необходимость.

Надо прямо сказать, что если бег трусцой по утрам хоть с натяжкой, но все-таки можно назвать необходимостью, то вот жажду молотить руками и ногами по деревьям в парке нуждой не назовешь. Ведь мы цивилизованные горожане, а не жертвы произвола средневекового сегуната.

Это там, чтобы крестьянину замочить вооруженного до зубов самурая, нужно было сделать это с одного удара рукой или ногой. Такой удар, соответственно, надо было ставить. Для этого бить по деревьям – самое то. А нам-то зачем, кроме как для души. Не возразил, поскольку с похмелья и язык и мозги с трудом ворочались. А кроме физиухи, что могло быть у меня еще – конечно же рыбалка. На том кадровичка удовлетворилась.

Но я не фанат рыбалки. Я скорее участник процесса, созерцатель. Я доновичик. Это значит, забрасываю несколько донок и жду, когда звякнет колокольчик. А сам смотрю на окрестности, о чем-то мечтаю. Если бы нравился процесс вываживания рыбы, то можно было бы ловить на платном водоеме. Это же ведь недорого.

Не хочется. Я созерцатель, а не борец. Рыбалка для меня, скорее всего, просто предлог побыть около воды для смены хода мыслей. Это как фон, как художник грунтует холст, перед тем как написать картину. Так и я создаю определенный фон для размышлений.

Когда рыбалка активная, на спиннинг там или на тот же поплавок, то приходится на ней сосредоточиваться. Это нечто вроде медитативного транса, почти как дзэн, то есть не до окрестностей и отвлеченных размышлений.

Про себя – доновичика, я даже стих сочинил. Ну не стих, скорее слоган, и не сочинил, а перефразировал. Вот:

- Настоящий донколов – весел, молод и здоров.
- Если кто-то не таков – он любитель поплавков.

Нет, конечно же, есть и помимо рыбалки еще увлечения. Мне нравится читать. А еще нравится исследовать окрестности. Причем не достопримечательности, развлекательные или присутственные места, а скверы, парки, водоемы и просто дорожки и тропинки.

В одной телепередаче ведущие задавали всем гостям один вопрос – на каких трех китах строится ваша жизнь. Понят-

но, что день за днем, от рождения до смерти, цель у нас одна – коммунизм, тысячелетнее царство и крах империализма. Но ведь требуют настойчиво чего-то понятного всем. Поэтому в основном гости называли работу, семью и прочие личные обязательности.

Помню из юности ситуацию. Я поступал в университет и познакомился там с девушкой из приемной комиссии – студенткой второкурсницей. Мы приглянулись друг другу и старались по возможности не расставаться вообще, по крайней мере, пока шли экзамены.

Как-то стояли в холле у большого зеркала и играли в игру на выдержку. Мы по очереди подходили к зеркалу и как можно серьезнее и пафоснее говорили:

– Красивее меня нет на свете, кому я достанусь?

Надо сказать, что у обоих получалось хорошо. А потом правила изменили. Мы одновременно должны были назвать три наиболее близкие и любимые вещи, предмета, понятия.

– Давай вместе, три – четыре...!

– Белье, цветы, косметика – мгновенно и без запинки сказала она.

– Рыбалка, баня, спортзал – одновременно выдал я.

Повторяю, что мы специально не готовились, все выплеснулось спонтанно, как зачастую бывает со спермой при первой близости, или после долгого перерыва. К чему это все. Прошло много лет, но приоритеты по существу остались. Только теперь я могу их не просто обозначить, а классифи-

цировать.

Что же, вот мои киты: душевное равновесие, творческая реализация, физическое здоровье.

Душевное равновесие – это когда за душу ничего не тянет, когда хоть и хочется лучше, но и так хорошо, когда нет вот этого неотвратимого «надо». Идет все ни шатко, ни валко и, слава Богу. Чтобы так и было, кроме отсутствия неожиданных проблем, мне надо какой-то стабильный или периодический доход, позволяющий жить без долгов в минимуме.

Также для общения и близости мне нужна женщина. И, конечно же, рыбалка, литература, фильмы, пешие прогулки по окрестностям. И разумеется, работа с текстом, для чего просто необходимо периодическое и достаточно частое одиночество.

Творческая реализация для меня состоит в наличии возможности писать и говорить. Работа над учебниками, всякие программы для курсов, методички, художественные или философские книги и рассказы, просто записи мыслей, эмоций, случаев хотя бы в «стол», возможность преподавать или выступать с лекциями и проповедями. Это же должно давать периодический минимальный доход, который позволял бы оплачивать тренировки, рыбалку, алкоголь, общение с женщиной и вообще ничегонеделание на диване.

Физическое здоровье сейчас можно объединить в понятие «кроссфит», как комплексную систему физического тренинга, дающую возможность поддерживать собственное об-

щее физическое состояние на желаемом уровне, но без особых конкретных достижений. Для меня сюда входят железки и тренажеры для атлетической гимнастики, длинный боксерский мешок для ударов руками и ногами по всем уровням, баня или сауна, солярий или пляж, может быть бассейн или речка.

Родился я слабым, рахитичным, с нарушенной координацией движений и замедленностью роста. В классе по существу, не считая клинических исключений, был самым слабым и не способным ни играть в спортивные игры, типа волейбола, футбола или пионербола, ни тем более выполнять обязательные школьные нормативы.

Поэтому тренировка для меня – это поддержание минимального физического уровня. Я тренируюсь не для достижения результата, а для поддержания прожиточного минимума. Если перестану, то через год, или с учетом набранного багажа через пару лет, а может и ранее, тело начнет разваливаться. Так что мои тренировки – это не приятное времяпровождение – это медицинская процедура, физиотерапия. Тренировки пятнадцать – двадцать раз в месяц в зале кроссфита по часу – полтора, и столько же раз дома на боксерском мешке от получаса до часа.

Вот это моя жизнь, больше ничего не надо, желательно еще, чтобы и кроссфит, и работа, и рыбалка, и магазины и присутственные места были как можно ближе к дому. И выходить из дома, кроме кроссфита, не более раза в день.

И жить в оживленном районе в центре, чтобы не наталкиваться на одни и те же лица.

Бывают, конечно же, отклонения во все стороны, образно выражаясь, от великого поста до медового месяца, но потом я все равно возвращаюсь к своему образу жизни. Как выразился апостол Петр, вымытая свинья всегда возвращается валяться в грязи.

@

В творческом плане я пишу тексты. Плохо, или хорошо – вопрос второй. Но именно творю новый текст. При этом я не стратег, а тактик. Я пишу о том, что вижу, о чем думаю. Мне сложно придумать что-то путное из ничего, как это делается, к примеру, в жанре «фэнтези». Но при этом описываю не столько хронику происшествий, сколько размышления на тему «почему» или «зачем». Поэтому все мои труды можно назвать публицистикой или эссе. И даже то, что написано на узкопрофессиональные темы, написано скорее как публицистика, чем как учебник или инструкция.

Или же, это во многом похоже, как разъяснительная проповедь. Ведь проповедь – это всего лишь публичное выступление священника, содержащее разъяснение вероучения или рекомендации по поведению. А согласно Библии, все верующие – священники, а все церковные чиновники узурпаторы.

То есть функции проповедника я имею полное право выполнять. Сама же проповедь чаще всего выглядит следующим образом: берется библейский текст или сюжет, или да-

же просто случай из жизни и далее приводятся рассуждения на данную тему.

Глобальные темы меня не привлекают. Мне кажется, что рассуждать на тему обустройства государства в целом похоже на рассуждения о любви к австралийским аборигенам или антарктическим пингвинам. Они где-то далеко, любить их труда не составляет, это вам не сосед храпящий.

Дошел я до жизни такой далеко не сразу. Литературными способностями в детстве и юности я не отличался, мог достаточно хорошо говорить, но писать даже не пытался. Школьные сочинения не в счет – это была обяэаловка, контролируемая почти поголовно дебильными учителями, за свои ничемные жизни не написавшими самостоятельно ни строчки.

Разве что в армии несколько раз выпускал стенгазету, именуемую «боевой листок». К сожалению, там почти все представляло собой ура – патриотизм и живые мысли удавалось пропихнуть редко. Но если получалось, то в такие моменты я на некоторое время становился местной знаменитостью.

Меня несколько раз переводили из части в часть, однако кличка «философ» следовала за мной как приклеенная. А несколько разных армейских замполитов в разные периоды службы советовали не пытаться остаться в армии, как планировалось, а бежать из нее как можно быстрее и поступать на философский.

Когда стал юрисконсультom, то по существу первым ана-

литическим заданием руководства было составить инструкцию по оплате труда совместителей. Как ни странно, получилось. По проторенной тропе стал в дальнейшем интенсивно и успешно писать всякого рода приказы, уставы, положения, обоснования и прочие деловые бумаги. Причем и по должности и на заказ.

Но это все было не то. Практически, не считая заметок в стенгазеты и деловых бумаг, я начал писать в середине девяностых, когда взялся записывать свои преподавательские лекции, чтобы на занятиях лишний раз не напрягаться. А ближе к концу девяностых, когда записей стало довольно много, на глаза попала реклама – приглашались авторы по бухгалтерским вопросам. Мелькнула мысль, если автор не я, то кто же?

Ноги в руки и рысью в издательство. Приняли, уж не знаю почему, с распростертыми объятиями, назвали писателем, дали аванс, я окрыленный быстро все перепечатал, отредактировал, сдал, получил довольно большой гонорар и обещание скорого издания. Прошло полгода, издания все не было, мы с главным редактором насмерть поругались.

Потом несколько моих учениц в разное время показывали мне мое творение и говорили, что написано очень хорошо и что лучше учебника они не видели. Таким, не совсем прямым путем, появился мой первый печатный труд – практическое пособие «Краткий курс бухгалтерского учета».

Примерно в то же время я стал печататься в местных

газетах, несколько раз в известной общероссийской газете и специализированном журнале. Склонность к художественной прозе проявилась несколько позже. Я написал довольно много рассказов. Но в стол, никому, кроме некоторых особо близких душой и телом учениц, их не показывал.

В середине нулевых неожиданно позвонил завкафедрой одной из расплодившихся тогда финансово-правовых академий, я уж и забыл, что посылал туда резюме, и предложил принять участие в создании учебника. Я выбрал направление «Бухгалтерский учет при упрощенной системе налогообложения», за лето сделал, учебник быстро издали. Моя часть отличалась от всех как небо от земли, студенты говорили, что только она и имеет ценность во всем учебнике. Так что хоть и с натяжкой, но тоже можно считать это законченной работой, нечто вроде «учебника в сборнике».

Где-то через год конкретно занялся обобщением всего своего преподавательского опыта. Так началась моя книга «Профессия? Главный бухгалтер!».

Вообще о писательстве вопрос интересный. Может быть, я графоман, а совсем не писатель. С этим надо разобраться. Из словарных массивов можно выделить следующие определения:

- Писатель – это создатель литературных произведений.
- Графоман – это создатель литературных произведений при отсутствии способностей.
- Литературное произведение – это оригинальный текст

беллетристического, научного, технического либо практического характера, независимо от его ценности или назначения.

Таким образом, писатель от графомана отличается наличием или отсутствием способностей к созданию литературных произведений. А что это значит – иметь способности?

Видимо, основной показатель наличия способностей – это желание писать. По крайней мере, лично я никогда не слышал даже упоминания о том, что что-то путное написано не по желанию. Пусть даже меня заставили писать, чтобы расплатиться с долгами, или нещадно покровсали при издании. Изначально-то был посыл на создание литературного произведения, а все остальное уже после накручивается. А кто тогда судьи? Конечно же, читатели, кому данное произведение адресовано. И уж, разумеется, не редакторы, критики и прочие тому подобные. Ведь написано не для них.

Второй показатель – должно быть хоть что-то написано и опубликовано. Если пишется «в стол», то это не совсем еще писатель. Ведь неизвестно, понравятся читателю результаты его творчества, или нет.

Третий показатель – читать хоть кому-то интересно. И этот кто-то должен быть из тех, кому тема близка и актуальна. Ведь очевидно же, что модельера не заинтересует справочник по электротехнике, как бы он талантливо ни был написан. И любитель детективов не будет восторгаться рассказами о путешествиях. А уж тем более, если писатель со-

стоит в конкурирующей партии, или там писательская бабушка когда—то отвергла читательского дедушку.

Четвертый показатель – это раскрученность. Тут добавить нечего, это показатель скорее менеджерских, но не писательских способностей.

Как же мне добраться до суда, то есть до читателя? Как же мне узнать, писатель я, или графоман. Для этого требуются способности уже не писателя и не графомана, а специалиста по продажам. Создать мало, надо продать. Продавать можно по-разному. От размещения на своем личном сайте и до обязательного включения в школьную программу. Но это уже не относится к литературе. Это бизнес, со всеми его составляющими.

Считается, что творец создает шедевр в молодости, а дальше в зрелости и старости только совершенствуется. Если смог вовремя и удачно продать, так еще и стрижет купоны. Не смог продать, так не стрижет. Чаще всего и продавать то особо уже не пытается. Что, собственно говоря, по мне и видно. Результат есть, а вот предметно заняться продажей все никак.

Однако, это проблема скорее не личная, а общественная. Ведь чтобы творить для общества нужно быть им признанным. То есть результаты творчества должны быть соответствующим образом упакованы. Где-то это подпись высококого начальника, где-то реклама, где-то способность оказаться к месту и вовремя.

Поэтому зачастую картины пылятся в мастерской, книги пишутся «в стол», изобретения остаются на бумаге. А значит, творец до этого самого признания должен быть как все, то есть удобным, коммуникабельным, дипломатичным и тому подобным. Не зря многие получают признание только после смерти.

Кстати, а почему не упаковать серость. Да потому, что не пользуется это спросом, как печенье, которое горит, или варенье, на которое даже мухи не садятся. Любой дикарь из мумбы-юмбы отличит шедевр от мазни. Если же и будет что-то пользоваться спросом, так это сама упаковка и харизма продавца, а содержание можно смело выкрасить и выбросить.

Хорошо, что сейчас есть всемирная паутина. Достаточно написать, зарегистрировать авторское право и можно выпускать свои труды в сеть, а если денег с этого получать не планируешь, то не надо оглядываться ни на редакции, ни на издательства. В общем, что написал – то написал.

Весна

Вот с таким багажом я к собственно своему кризису и подошел. Разве что можно добавить, что в очередной раз оказался без работы. Не то, чтобы совсем, но без постоянной точно. Остались периодические группы учащихся. Они то были, то нет, и хоть платили за них довольно хорошо, но без постоянства все это оставалось случайным заработком. Так можно было жить лично, но о семье и домашнем хозяйстве можно было только мечтать. Хорошо, что мне это не нужно и на такие темы даже и не мечтается.

Как раз началась весна. Это ведь зима у нас каждый год начинается неожиданно, а вот весну приходится ждать. Не люблю зиму. Точнее, не люблю мороз и снег. Мороз потому, что мерзнут руки, надо обязательно держать их в карманах или надевать перчатки. Нести тяжелую сумку в такой момент – вообще проблема. А если сумки в обеих руках – хоть волком вой. Снег сам по себе замечателен, только вот когда нападает от души, то некомфортно по нему идти, и когда тает – тоже некомфортно, к тому же ноги промокают, а на дороге сплошная слякоть.

Я люблю два времени года – весну и осень. Весна в моем понимании начинается тогда, когда снег уже растаивает, на земле появляется мать-и-мачеха, а на деревьях первые подобия листиков. А кончается весна, когда отцветают чере-

муха, сирень, вишни и яблони.

Иногда, когда весна ранняя, к ним присоединяется еще и ландыш. В основном же ландыш цветет в конце мая, для меня уже летом и ближе он не к вишне, а к липе, которая зацветает именно летом. А еще, начало весны совпадает с началом клева уклейки. И соответственно заканчивается, когда вода в реке прогревается, и уклейка клевать перестает.

А еще лучше осень, не когда все расцветает, а напротив, когда все увядает. Это примерно с середины сентября, когда начинают желтеть береза и лоза, и до конца ноября, когда все листья уже опадут, а точнее, до выпada снега и постоянных морозов. Пока же снег не выпал, а температура где-то около нуля, для меня все еще продолжается осень. Осень – это возможность доночной рыбалки днем.

Лето же для меня – это всего лишь загар на солнышке и ночная доночная рыбалка. А зима, в частности, когда снег уже постоянно – это время, которое просто надо пережить. Таким образом, я люблю те времена года, когда возможна летняя рыбалка без особого экстрима и днем. Я имею в виду, без predetermined экстрима, то есть если выпал снег, если он интенсивно тает, если температура близка к нулю и ниже. Но если там сильный дождь, или низкое давление, или порыв северного ветра – это разовые факторы – как начались, так и закончатся, не сегодня, так завтра.

В общем, до следующей неожиданной зимы снег и морозы ушли в прошлое, но вместе с весной первой ласточкой на-

рисовался мой незабвенный религиозный кризис. Тогда же, как раз вместе с зимой закончились и Оля и Лариса. Лариса та самая, с которой я познакомился после разрыва с Аней.

Периодические Анины пропадания на несколько дней, последующее появление под утро совершенно пьяной, в слезах и соплях, скучающая по ней и при этом вечно лежащая под ногами ее собака – все это достало вконец. Я устал, и после очередного ее пьяного явления под утро просто подождал, пока проспится, и выгнал. Я все-таки сделал этот шаг, не смотря на умопомрачительный секс в любое время и в любом ее состоянии. И после нее вот как раньше было все, так сейчас сразу нет ничего, сухостой. То есть Лариса просто заняла временно пустовавшее место. Что называется, хоть шерсти клок.

Оля появилась позже Ларисы и ушла раньше. Помню, как войдя в учебный отдел института, я увидел заоблачной красоты и ухоженности молодую женщину. Похожую на «Чегемскую Кармэн» Анну Самохину в ее лучшей форме. Только еще лучше. Выразительные глаза в половину лица, высокие налитые сиськи, маленькая круглая попа, можно сказать европейский вариант представления о женской красоте, евростандарт. Кукла Барби, только в местном исполнении. То есть еще и относительно умная, хотя и без повышенного интеллекта.

Отдельные слова, намеки, переглядки, все говорило о том, что мы друг другу интересны. Ну и что, что она замужем,

сердцу не прикажешь, а органам между ног тем более. Можно сказать, что мы были обречены на близость, вопрос только времени.

Ну и кто же сделает первый шаг. Мы два или три раза выходили вместе и шли метров пятьсот, пока было по пути. В конце этого короткого отрезка нас уже трести начинало от взаимного желания. Но о своих желаниях оба молчали.

Все получилось само собой и естественно. Мы пошли вместе искать мне методичку, она повернулась спиной и чуть наклонилась, копаясь в шкафу. Я подошел сзади и тихонько обнял ее за плечи...

– Что-то мне подсказывает, что вы меня не оттолкнете.

Она повернулась, блеснули глаза и губы встретились. Некоторое время мы просто тихонько целовались. Нам помешали, кто-то пришел за методичками или же просто почувствовал запах желания и пришел на чужой каравай, раздувая ноздри. Пришлось уйти, но на лестнице мы процесс возобновили.

Потом несколько дней, когда у меня были занятия, при случае и уже страстно облизывали, мяли и ощупывали друг друга, оглядываясь и вздрагивая. Что делать – замужняя женщина должна быть осторожной, город маленький и все тайное быстро станет явным, а если не таиться, то еще быстрее.

Она пришла ко мне домой тайком. Увы и ах. Тело оказалось не таким вкусным, как казалось. Да, сиськи большие

и упругие, как у нерожавшей девочки, только вчера раскрывшей свой пушистый сейф, но это и все. Как кукла резиновая с подогревом. А уж когда она сказала, что ни разу не кончала и знает об этом только понаслышке, то я только обреченно вздохнул. Как это в песне – до чего ж я невезучий.

Ну, что делать, как живую резиновую куклу, как спермоприемник и буду использовать. А при случае хвалиться такой красавицей, пряча при этом глаза, чтобы не догадались. Тем более, что как оказалось, говорить нам тоже было особенно не о чем. Она в основном рассказывала о своих трех подружках, и получалось у нее прямо как у классика: «А у тебя подруги, Зин, все вяжут шапочки для зим...».

Чтобы как-то разнообразить ощущения попытался проникнуть в попу, но светло-коричневая анальная звездочка была неприступной. Нет, сама Оля была не против, она готова была очень на многое, лишь бы кончить. Хотя бы разок попробовать – что это такое.

Но ни крем, ни ласки, в том числе губами и языком – ничего не помогало, закрыта как пасть дракона. Даже палец больше чем на сантиметр не входил. Оля говорила, что у мужа тоже ни разу туда всунуть не получалось, больше никто и не пытался, а сама что нибудь туда вставить она тоже никак.

Расстались мы буднично. Как-то я позвонил:

– Привет, давай сегодня встретимся.

Но в ответ вдруг неожиданное:

– Ты знаешь, ведь я изменяю мужу, это так неправильно – измена...

– И что?

В моем голосе скользнули нотки раздражения. Еще бы, вставить хочется, а в Ларису сегодня не в радость, надоела она мне порядочно.

Теория правильно говорит, что нужно, чтобы было две женщины. Одна постоянная, а другая на иногда, когда та приедается. Я помню, как на что уж Аня была просто упасть и не встать, и то я несколько раз встречался с бывшей ученицей Альбиной. Та ничего из себя в постели не представляла, но интимную жизнь надо разнообразить хоть капельку.

А когда Аня как-то пришла с женой брата Викой, стоило нам всем напиться, как я тут же, улучшив момент, залез на Вику. Все это неправильно, но хотелось, а если очень хочется, то правильно, и сейчас вот хочется.

– Ну я не знаю, надо ли нам продолжать встречаться...

Я вконец разозлился:

– Хорошо, я не настаиваю, не очень то и хотелось, скатертью дорога, леди с возу легче пони, таких как ты на шапку три штуки нужно.

И демонстративно положил трубку.

@

Со злости нахрюкался, с утра состояние соответствующее. Иду с жуткого похмелья с бутылкой пива по улице. Уже осталось на доньшке, а похмелье и не думает рассасываться. На-

встречу трое призывного возраста подростков или молодых мужчинков.

– Мужик, дай пивка.

– На.

Не раздумывая, втыкаю бутылку торцом ему в репу. Но похмелье взяло свое. Удар идет по касательной. Противник легче килограммов на двадцать, надо бить или по прямой или сверху вниз, иначе удар его только отбросит. Так и получилось. Отлетает метра на три. Но лицо все в крови, удар то ведь не сравнительно мягкой ладонью, а торцом бутылки. Остальные в разные стороны. Разумеется, догонять не стал. И тяжело, и не нужно. Просто иду дальше.

Потом очень многие мне говорили, что так лучше не поступать, поскольку опасно. Слишком уж развелось всякого рода отморозков. Но здесь я совершенно не согласен. С отморозками и надо поступать как можно более жестоко. Иначе действительно на части разорвут. А если это были не отморозки, то тем более послужит уроком – не лезь.

И вообще, кому суждено сгореть, тот не утонет. Я помню, как муж моей одноклассницы, отставник, армейский капитан, и по должности и по натуре с неба звезд не хватавший, поехал на рыбалку. И на этой рыбалке был убит стрелой из арбалета. С дальней дистанции, просто так, как живая мишень для испытания штуковины. Вот жил всю жизнь как премудрый пескарь и так же кончил.

А моего собригадника с заводских времен просто выки-

нули из электрички, и он, падая, свернул себе шею. А был всю жизнь тише воды, ниже травы. И стоит ли после этого бегаться? Может быть, специально приключений искать и не надо, но надо ли терпеть обдолбанную шваль.

И чего они все ко мне цепляются. Мы как-то гуляли с Аней, скорее выгуливали ее пса, когда к нам подошли трое ее друзей. Один из них, самый большой, привязался к нам как банный лист. Я потерпел пару минут и послал его по известному адресу. Этот гад сразу же попытался меня ударить. Да еще не просто ударить, а как боксер, двойкой.

Но просчитался, так сказать, обмишурился. Я легко блокировал оба его удара, просто сбив ладонями вниз, и ударил навстречу. Даже не ударил, а просто резко подставил кулак. На кулак он лицом наткнулся, но вместо того чтобы дернуться назад, непонятно почему стал падать вперед, на меня то есть. Расстояние было очень близким, почти вплотную, такого я не ожидал, и потому отодвинуться не успел. Он падал до тех пор, пока не уперся головой мне в грудь. Я чуть отодвинулся в сторону и сверху вниз ударил локтем по загривку, или, скорее всего чуть ниже. Как ни странно он не упал. Тогда я ударил еще и еще.

Если честно, удар этот я, в общем-то, никогда не отрабатывал, поскольку полагал, что ситуации его применения крайне редки. Возможно, что именно поэтому он все не падал и не падал, хотя в любом случае такое воздействие не может пройти бесследно. Тогда я зачем-то попытался в падении

перебросить его через себя. Нет того, чтобы просто сбить с ног подсечкой. Но он оказался слишком тяжел, да и подзабыл я борцовские навыки, поэтому мы оба просто свалились.

Я поднялся, он остался лежать и мы с Аней ушли. Двое его друзей так и простояли как библейские соляные столбы. Ступор с ними, что ли какой-то случился. Но ведь если бы не это, то когда я упал они бы просто меня запинали.

Это стало поворотным моментом в моей технике. Все, хватит и высоких ударов ногами и тем более борьбы. Все должно быть как можно короче и незаметнее, никаких выпендрей с растяжкой и акробатикой. То есть нет худа без добра, но можно было бы и без худа обойтись.

Примерно через год я позвонил в тот институт, где работала Оля, мне нужна была справка. Она мне справку сделала, вышла передать, мы немного потрепались.

– Может позвонишь?

– Нет, Олечка, все хорошо вовремя.

Мне действительно в тот момент не хотелось возобновления отношений. Может, просто на нее уже не стоял, а может она просто не вовремя спросила про ремонт, который я так и не сделал.

Лариса не была моей ученицей в чистом виде, но одна из моих прошлых учениц была ее подчиненной. Так что сначала она пришла на консультацию, а потом, когда пришла еще раз, я со своим языком без костей напросился в гости. Дома она подошла к окну, я подошел сзади, обнял за плечи

и тихонько прижался. Как всегда, или чаще всего. И тоже как всегда, или чаще всего, она резко повернулась, наши губы встретились. А потом мы прямо на полу между кресел друг друга поимели.

Потом она, как это принято в лучших домах, говорила, что ни разу такого не испытывала. Однако я не чувствовал, чтобы внутри нее что-то происходило, кроме разве что некоторого повышения влажности. Но это в чистом виде физиология, влагалище просто таким образом предохраняет себя от возможных травм. Вот если бы у нее было так со всеми, а со мной она, что называется, потекла, тогда другое дело.

То есть после Аниного игристого шампанского Лариса была просроченным жигулевским пивом. Но сухостой без Ани привлекал еще меньше. Так что не до жиру. К тому же первый раз, после перерыва в несколько лет, я вошел в женскую попу именно к ней. В Анину как-то не собралось, очень уж спереди все было вкусно, а в Олину, с которой потом периодически встречался тайком от Ларисы, пытался, но не получилось.

Тем более, что Оля была замужем и со мной встречалась также тайком. И хоть и говорила примерно тоже самое при близости, что и Лариса, но только очень уж боялась и нервничала. Она и в традиционном то варианте кончить не могла, чего уж говорить об экспериментах с задней дырочкой.

А попа Ларисы раскрылась достаточно легко. Может быть, что это был ее не первый опыт, и она просто обманывала,

пытаясь таким образом поднять себе цену. А может так у нее получилось естественно. Она, правда, говорила, чтобы я там особо не задерживался, ей постепенно становилось больно, но я ведь и так туда входил в основном из интереса, чтобы разнообразить впечатления. И сперму слить туда, чтобы избежать возможных нежелательных последствий.

Плохо, что я тогда не сообразил, что можно это делать и лежа на ней, а не только стоя. Но если мне всегда нравилось тесно обнявшись, то Ларисе именно эта поза очень нравилась, она не гнулась буквой зю, а прогибалась в спине и оттепнивала задницу как потягивающаяся кошка, благо и рост и осанка и подготовка это позволяли. Еще бы, в недавнем прошлом альпинист и скалолаз. Входить в нее сзади было красиво и эффектно.

Что ей не нравилось, бывшему инженеру, случайному бухгалтеру и в последующем журналисту местной газеты, так это мой аскетизм и философский образ жизни, то есть подъем к полудню, довольно частые тренировки, походы в баню и на рыбалку, лежание на диване и работа от случая к случаю.

Она все чаще повторяла:

– Ты живешь как пансионер, в смысле на полном пансионе.

На что я отвечал постоянно примерно так, что мой образ жизни от нее не зависит, что я буду продолжать жить так независимо от того, есть она или нет, и менять ничего не бу-

ду. Что мне нужна женщина на потрахаться и потрепаться, и в общем-то все.

А на счет работы тоже имелось оправдание, даже два. Одно – старый я стал, чего не только девушки, но и работодатели не приветствуют. А второе – слишком умный, в некоторой степени непризнанный гений, что если для некоторых девушек может и привлекательно, то у работодателей популярности не прибавляет.

Лариса не выдерживала:

– Но ты же вообще ничего не хочешь.

Все равно нечего упрекать меня в безделье. Ко всему прочему я по натуре аскет, в том смысле, что мне нравятся простые физиологические радости, без излишеств. В этом я могу считать себя последователем эпикурейцев, которые ничего не отвергали, но говорили, что все надо в меру. Что называется, не пей последний стакан.

Соответственно у меня мало имущества. Можно сказать, что все свое ношу с собой, или вся жизнь в рюкзаке. Мне вообще мало что нужно, и ничего лишнего у меня нет. При случае, судебным приставам даже забрать будет нечего.

Мне нужен закуток, где можно от всех спрятаться, минимально необходимый набор вещей для самообслуживания, творчества, и увлечений. То есть как можно менее габаритная однокомнатная квартира, или номер в гостинице. Или даже строительная бытовка на двух сотках и всеми удобствами на тех же сотках. Амбиций творца тоже нет, то есть что

написал, то написал.

К тому же я лентяй в принципе, с той позиции, что если я что-то делаю, то значит, хочу это делать. Если не хочу, то не делаю. Вот если не хочу – но надо, или тем более не надо – но просят, то делаю медленно и лениво. Заставить можно, я не супермен, но надо постараться, и не факт, что получится.

– Поэтому смирись и не наезжай, менять я ничего не хочу и не буду. Я творец в чистом виде, мне сложно продавать результаты своего труда, не торговец я, даже свое время продать толком не могу. Хочешь от меня дохода? Стань моим менеджером, агентом, займись продажей моего профессионализма. Не можешь ведь? Только языком трепать. Ты ведь хоть и не без талантов, но по натуре рядовой исполнитель..

Конечно, кому же такая философия понравится? Тем более не нравилось, что оформлять отношения я не хотел совсем. И уж тем более не нравилась моя образовавшаяся жилищная независимость, поскольку к тому времени наконец-то дом был сдан в эксплуатацию, и я стал полным хозяином собственной квартиры.

Пусть и однокомнатной, и без отделки, зато с видом на закат, который ничем, в смысле никакими строениями, не загораживался, и на горизонте угадывалась любимая речка. В общем, студия писателя, мечта поэта, так я ее и стал использовать. То есть рабочий стол, боксерский мешок и кровать. Можно было всласть мечтать, сочинять, тренироваться, пить подобно верблюду в пустыне и трахаться с кем при-

дется.

А у Ларисы появился сразу же нездоровый к ней интерес, и вопросы об объединении имущества поднимались все чаще. Пока меня это не достало, и я наотрез отказался. Естественно, это не сблизило.

@

Однако, я несколько отвлекся. Собственно кризис выразился в безотчетной тоске. Чего-то хочу, а кого не знаю. А кого знаю, не хочу. Мне не хватало ни текучки, а концептуальности, не частностей, а принципа. За прошедшую зиму я перечитал множество книг по эзотерике и философии, но беспокойство только усилилось.

Хотя ни хозяйственных, ни социальных, ни интимных проблем никаких не было, это было явно что-то другое. А если трахаться и хотелось как можно чаще, то это от расцвета сил и здоровья, и на состояние беспокойства тоже не влияло. И кроме как снимать напряжение от избытка спермы ни Оля, ни Лариса, ни прочие особи женского пола по существу мне были не нужны. Разве что еще периодически выпить и потрепаться.

Когда я жил еще с Аней наша кровать покрывалась куском искусственного меха коричневого цвета с черными подпалинами. Периодически, если Аня приглашала меня к близости, а это случалась даже чаще, чем я ее, она говорила:

– Ну чего, на тигра? Или же, на тигренка?

Приходит так домой, начинает переодеваться, но стоит

раздеться как сразу же:

– На тигренка?

И красноречиво кивает в сторону кровати. Я быстро сбрасывал одежду, если она в тот момент была, и мы на кровати сплетались в одно целое. В тот момент она была уже готова, поэтому входил в нее почти сразу же. Первой облизала мне попу.

– Что ты делаешь?

– А мне нравится.

– Но все-таки для мужчины подставить попу это определенный жест...

– Но я же женщина.

Когда я к этому привык и пригрелся, то уже не стесняюсь говорил:

– Облизни кончик.

– С удовольствием.

И она облизывала и кончик, и весь член с яичками, и все вокруг. После нее я всех деливших со мной постель женщин старался подтолкнуть к этому же, в смысле постараться язычком. Не со всеми получалось, я никогда не настаивал, но ненавязчиво пытаться можно и нужно. Вдруг ей самой этого хочется, также как Анечке, но стесняется.

То, что нет больше ни Ани, ни даже Ларисы или Оли хоть и несколько напрягало, но не настолько, чтобы ощущать безотчетную тоску. Тем более, что к середине весны моя «тоска по Богу» обострилась.

Я даже заходил в православные церкви, хотя всегда убеждался в одном – Бога там нет. Не зря ведь Библия говорит, что Бог не живет в рукотворных храмах, священством называет вообще всех верующих и ни на какие конфессии их не делит.

@

Впервые реальное присутствие Бога я осознал примерно в десятилетнем возрасте. Это было летом, я ловил на речке рыбу, на ярком солнце. Со мной случился, как это называется, солнечный удар. С трудом добрался до дома, поднялась температура. Лежа пластом на кровати, периодически проваливаясь в бессознательное состояние, я вдруг очень ясно и живо увидел картину.

Черное небо вокруг, именно вокруг – и сверху, и снизу, и справа, и слева, и впереди, и позади. Через небо идет дорога, некая даже колея песочного цвета. По дороге идет человек – в черном балахоне, с длинными светлыми волосами, спадавшими на плечи. Его лицо было очень спокойным, я никогда не видел такого покоя на лицах. И его спокойствие передалось мне. Наверно, я заснул, потому что больше ничего не помню.

А на следующий день уже выздоровел и снова пошел на речку ловить рыбу. Образ того человека я раньше нигде не мог увидеть. Уже потом, много позднее, через несколько лет, я увидел это лицо на иконах и картинах. Это был Иисус Христос.

В следующий раз это случилось, когда мне было тридцать три года. К тому времени я уже много лет занимался боевыми искусствами востока, а соответственно и различными духовными практиками, медитацией, одним словом. Надо сказать, что в тот момент не то чтобы непосредственно с боевыми искусствами я по-прежнему дружил, но упражнения соответствующей направленности делал постоянно. А когда попытались «наехать» местные братки, даже вернулся к целенаправленным тренировкам. И медитации, соответственно.

Одна из них выглядела примерно так: Представляешь водопад, протягиваешь мысленно в его середину руки и как бы раздвигаешь в стороны. И из разрыва струй воды на тебя идет энергия. Если все сделано к месту и вовремя, то энергия действительно идет, усталость проходит, тело наливается силой и желанием тренироваться еще. Примерно тогда же, опять же из восточных практик, я почерпнул, что если что-то очень нужно, то можно просто попросить у высших сил, космоса, мирового разума, в разных источниках это называется по-разному.

И вот в один из дождливых холодных ноябрьских дней после полуторачасовой тренировки я стоял во дворе и медитировал. Представил поток воды и раздвинул его руками. Обычно я видел более чистую воду. Но в этот раз совершенно ясно и отчетливо увидел ярко голубое небо и посреди неба некто в белых искрящихся одеждах, сидящий на троне.

Вокруг было золотое сияние. Произошло это очень быстро, а затем водопад опять сомкнулся.

Вот в этот момент, стоя под морозящим ноябрьским дождем посреди двора до меня дошла простая истина. Не нужно никаких восточных практик, достаточно помолиться христианскому Богу. Молитву «Отче наш» я знал почти наизусть. Я протянул руки к небу, повторил эту молитву раза три и спросил:

– Господи, ну почему нет мира в моей душе.

И почти тут же я ясно услышал ответ:

– Ты неправильно живешь. Ты занимаешься не тем, и ищешь не там, поэтому и несчастен.

Меня очень поразило это – не знаю что – и я прекратил медитации.

Примерно тогда же я видел во сне свою смерть. Не ту, которая будет, а ту, которая уже была. Золотая осень, яркое солнце, прохладно. Через лес по насыпи идет узкоколейка. Насыпь высокая и рельсы на уровне примерно середины деревьев. Мы едем на дрезине. Впереди рослый матрос в растегнутом бушлате машет зажатый в руке маузером.

А я сижу сзади в солдатской длинной шинели и шапке с красной полосой. Мы партизаны дальнего востока в гражданской войне. Мне не больше двадцати, розовые щеки и чистые несколько наивные глаза. Вдруг за поворотом на рельсах завал из железнодорожных шпал. И разогнавшаяся под уклон дрезина в него врезается.

Свет померк, и все стало как в приборе ночного видения. Или как в полнолуние, но когда небо затянуто ночными облаками. Я поднимаюсь над бесформенным куском того, что было моим телом. Опрокинутая дрезина валяется вверх еще крутящимися колесами. От нагроможденных шпал поднимается дым. А вокруг разбросаны обрывки того, что секунды назад было моими соратниками.

Я не знаю, как к этому относиться, но что стал после этого гораздо спокойнее и равнодушнее к тому, что жизнь проходит – это точно.

Конечно же, такое настроение, когда я подобен вещи в себе, мыслями где-то в потустороннем мире, и даже трахаюсь в основном для здоровья, точно также как хожу в баню и спортзал, оттолкнет кого угодно. Хотя с другой стороны, после Ани все постельные отношения казались серыми и будничными. В общем, с Ларисой расстались тихо и мирно, а с Олей и вообще по телефону.

@

Но страдать от ухода теплых спермоприемников я не стал, и до спермотоксикоза себя не довел, поскольку появилась Вероника. Один из моих предприимчивый друзей попросил меня помочь. У него уволился бухгалтер, а тут как раз предстояла налоговая проверка.

Она и была проверяющим налоговым инспектором. Чиновником, да еще контролером, то есть самым ненавистным человеком на свете. Хуже налогового инспектора могут быть

разве что контролеры в электричке, судебные приставы, тюремные надзиратели, санитары в психушке, школьные учителя и всякого рода служащие пенсионных фондов и собесов. Где человек беспомощен или бесправен, и это позволяет слушателям во всей красе проявлять свои низменные инстинкты.

Однако, когда она первый раз пришла на проверку и в разговоре случайно выяснилось, что мы живем в одном районе, то она, ни мало не смущаясь, предложила:

– Поскольку живем мы рядом, давайте и проверять я вас буду у себя дома. Приносите бумаги ко мне.

Что тут сказать. Прошла проверка, естественно, что все закончилось для моего друга благополучно. Конечно, на всякий случай мы «нашли» пару мелких недочетов, чтобы заплатить минимальный штраф. Чтобы и волки были сыты и овцы целы, в смысле как инспектор отчитался бы в проделанной работе, так и для возможных повторных проверок оснований бы не усматривалось.

Как-то потом, через неделю, наткнулся на нее на улице.

– Ой, здравствуйте, как вы живете.

– Ну вот, живу, окна сегодня покрасил, так сказать готовлюсь к летнему сезону.

– А у меня новый компьютер, хотите посмотреть.

Я и раньше чувствовал, что она ко мне не ровно дышит. Только раньше, во время проверки, мы были по разную сторону баррикад, а теперь нет, я снова был ничем не обременен.

ненный свободный художник.

– Конечно же, хочу.

Вечером я пришел к ней в гости. Сначала мы действительно пару минут смотрели компьютер, как будто бы там можно что-то интересное увидеть. А затем пошли гулять к речке. Когда мы вышли на берег, уже стемнело, да еще было почти полнолуние, и луна всю блестяла над горизонтом.

Дальше произошло то, что и должно было произойти. Классик на вопрос, может ли быть дружба между мужчиной и женщиной, остроумно ответил, что может, только в результате появляются дети. Мы остановились, как по команде повернулись друг к другу, обнялись и соединили губы.

Естественно, что я погладил ее попу и она, естественно, не отстранилась. Уж если женщине нравятся мужские руки, то это точно мои. Сильные, но вместе с тем мягкие, нежные и обволакивающие. Тоже самое и губы. Яркие, пухлые, мягкие, горячие, настойчивые, жаждущие наслаждения и стремящиеся его дать.

У нее на счет этого было более скромно. Светлые, скорее тонкие, с жестким пушком на верхней губке и какие-то неумелые. Не девочка ведь, всего-то уже года три до тридцати, пора бы и научиться. Но видимо не дано, не в коня корм. Однако прикосновением губ мы первый барьер преодолели. Далее мы стояли, обнявшись, и лаская друг друга, потом шли по тропинке. Периодически останавливались и снова целовали и трогали друг друга.

К сожалению, пригласить к себе я ее хоть и мог, но у меня от свежевыкрашенных оконных рам жутко пахло краской. Мне было страшно даже самому домой идти. Договорились, что послезавтра поедем к ней на дачу.

Дача оказалась на окраине деревни километрах в десяти от города. Подходя к домику, у меня появилось чувство, что здесь я уже был. Но уже смеркалось, поэтому проверить его у меня пока не получилось.

Забегая вперед, местность утром я узнал. Рядом с домом были развалины. Угадывался остов деревянного забора, а внутри торчали обломки деревяшек и железок. Это была брошенная тракторная ремонтная станция. Когда мне было лет восемнадцать, меня прислали сюда в виде помощи от науки сельскому хозяйству. По этому двору я бродил, ища какуюнибудь гайку, или расчищая снег. Вот уж воистину вымытая свинья возвращается валяться в грязи.

Сам Вероникин домик оказался уютным и симпатичным. Мы расположились на террасе ужинать. Сразу обнаружилось, что вино на нее действует подобно стрихнину. С рюмки у нее испортилось настроение, она стала причитать и жаловаться на свою серую жизнь, как пожилой ослик Иа вокруг своего озера и в компании с чертополохом. Но главные сюрпризы меня ждали в постели.

– Ты ложись, – сказала она, – а я сейчас.

Стянув с себя всю одежду, я стал ждать. Ждал недолго, она вошла в длинной почти до колен футболке. Лифчика под

футболкой не было, но труссы были. С этими барьерами я справился быстро, но тут же обнаружилось, что чувствовать ее тело не так уж и приятно. Я бы сравнил ее с резиновой куклой с подогревом и емкостью для спермы. Есть мягкое тепло, и есть куда спустить. А больше все.

Ну может, не так драматично, все-таки лучше, чем ничего. Тем более, что эта же ситуация повторяется с завидным постоянством, пора бы и привыкнуть, или хотя бы относиться философски. И тем более, что я же только недавно разбежался с Ларисой, привык, знаете ли, прижиматься к теплой женской заднице. И вообще я очень люблю женщин. Ладно, думаю, может близость будет лучше.

Ах, как я ошибался. В этом вопросе Вероника оказалась похожа на мою первую жену. Но там хоть знакомство было романтичным. Я тогда был на заводе юрисконсультантом и должен был ехать старшим в совхоз. Пока решал организационные вопросы попутно заглянул в охрану. Там в углу сидела девушка.

– Почему посторонние на режимном объекте?

И выгнал ее.

Когда наконец-то все утряслось и тронулись, свободным оказалось только место рядом с ней. Судьба. Также, как судьбой была ее холодность, привязанность к теще и нежелание вести хоть какое-то домашнее хозяйство. И при этом рассказы о железной воле и внутренней силе.

В школе она была кандидатом в мастера спорта по спор-

тивной гимнастике. Такие звания за красивые глаза не даются. После института работала прорабом на стройке. Подчиненных больше сотни, половина бывшие зэки, вторая половина азиаты, на исправительных работах и прочих, как это раньше говорили, деклассированный элемент. Она командовала ими как молодой специалист, подошла ее очередь на квартиру.

Ни с того, ни с сего ушла. На том заводе, где мы познакомились, она быстро доросла до начальника проектно-сметного отдела. Сметчик милостью божьей.

А как поженились, ситуация стала другой. Работа на рядовой должности, после родов декретный отпуск по полной все три года, дома не то, чтобы про обед вопрос поднимать неприлично, даже пол не подметен.

Но это еще ничто по сравнению с сексуальной холодностью. Ей из всех возможных вариантов нравились только ласки клитора и то как-то странно. До определенного момента было приятно, а потом наступала некая перегрузка, вместо разрядки появлялось раздражение, и надо было прекращать. Примерно похожее ощущение появляется в бане, когда стегаться веником становится вместо удовольствия болью и срочно надо окунуться в холодную воду.

В общем, мороженая рыба. Была некоторая надежда, что после родов изменится. Я читал, такое случается. Не случилось, в очередной раз мне не повезло. Наша семейная жизнь для меня была чем-то вроде исправительных работ.

И теперь эта вот, только уже без романтического знакомства. Такая же холодная рыба, только клитор хоть что-то чувствует, а все остальное как на северном полюсе. Это даже не запущено, это врожденное. Не зря все-таки она работала налоговым инспектором. У рядовых чиновников вообще, по-моему, чувственность рыба, то есть никакой. Нет у них ни творческого начала, ни сексуального. Домой я вернулся вконец разочарованным.

Мы встречались еще несколько раз. В который раз убеждаюсь, как велика сила инерции. Но недели через три после первой нашей близости я все-таки сказал: Хватит. Не могу больше, лучше вообще без женщины, чем с такой. Рыба хороша на сковородке, но никак не в постели. И мы расстались. Остался только неприятный осадок, как будто испачкался обо что—то скользкое и мерзкое.

@

Однако именно она стала неким катализатором для радикальных изменений в моей жизни. Не активным, а так, втемную, как ослица Валаама. Не могу сказать, что она была верующей, скорее пыталась казаться религиозной. К примеру, таскала с собой в сумке православный молитвенник. Я полистал его – совершенная бредятина. Потом она принесла маленькую брошюрку, ее всучили ей у метро – я взял ее в руки, открыл.

Там было напечатано Евангелие от Иоанна. Качество полиграфии оставляло желать лучшего, но я все равно начал

читать. Я очень хорошо помню этот момент. Свет горел в прихожей, в комнате было темно, но я развернул кресло так, чтобы свет из прихожей падал мне на книжку. И раскрыл Евангелие...

В этот момент как будто зажегся свет во тьме. Вот то, что мне нужно. Спасибо, Господи. Я буквально сорвался с кресла и бросился к книжному шкафу. У меня где-то была Библия. Нашел. Я открыл ее и уже долго не закрывал, отрываясь только на сбивчивые слова благодарности Богу.

Сначала читал, впитывая содержание, Евангелие от Матфея. Но затем почувствовал недостаточность эмоционального настроения. Тогда открыл Псалтирь. Псалмопевец настроил мою мятущуюся, израненную поиском и сомнениями душу.

Этот момент я помню очень ясно и живо. Я сидел в кресле с раскрытой Библией. В комнате по-прежнему свет не горел, лампочка была включена в прихожей, и свет падал сзади на страницы. Я читал псалмы, и у меня как бы менялась картина окружающего мира, и вместе с этим менялось самосознание.

В моей душе нет мира и покоя совсем не потому, что кругом гады и сволочи. И не в результате собственных недоработок. Я живу сам, иду своим путем без Бога. Вот в чем причина.

Как это просто и как замечательно осознать, что надо просто довериться Богу. Проблемы сразу же отошли на задний план, сердце успокоилось, я обрел Бога в сердце, я получил

веру. Как будто из хаотически валяющихся кирпичей сложилась стройная пирамида.

Было состояние невероятной эйфории. Я буквально наткнулся на углы. Что со мной, я совсем не понимал. В известном сериале это показано очень замечательно, когда герой воскрес в первый раз. Он не понимал, что происходит, но нашелся учитель, который объяснил ему суть происшедшего.

Ведь в то, что человек создан по образу и подобию Божьему, мы все в той или иной степени верим. Причем безоговорочно, потому что гораздо приятнее считать себя чем-то более возвышенным, нежели обезьяна. Тем более что такая вера сама по себе ни к чему не обязывает.

Но по большому счету каждый человек сознательно или интуитивно обращается к Богу, особенно в трудные моменты жизни. Вот человек опаздывает, наоборот ждет кого-то, живот у него вдруг посреди улицы схватило и так далее и тому подобное. В эти моменты он совершенно искренне молится: «Господи, помоги».

Я не представлял в этом вопросе исключения. Научить же сознательному общению с Богом, или хотя бы рассказать о потенциальной возможности такого общения было некому, я рос в атеистической семье, и окружение в школе и на улице тоже было атеистическим.

Однако мыслями, а в сложных ситуациях чувствами, я всегда обращался к чему-то или кому-то более высшему, чем окружающий меня мир. Поэтому мне кажется, что верую-

щим я был всегда, по крайней мере, с момента формирования реального самосознания, то есть с пяти – семи лет.

Я совершенно искренне верил в существование Бога и какое-то собственное личное отношение с Ним. Вот Бог, вот я, вот окружающий мир. И этот окружающий меня мир на самом деле не самое главное. Другое дело, что мне не удалось точно сформулировать вероучение, то есть содержание своей веры, было лишь интуитивное восприятие, «тоска по Богу».

Но вот теперь совсем другое дело, свершилось. Мне срочно стал нужен учитель. Только где его взять? Библия является божественным откровением, но структура книги такова, что нуждается в толковании. Я уже упоминал об отторжении православных церквей и священников. Ассоциация с присутственным местом и чиновничеством.

И вот тогда вспомнил, что как-то давно соседка Галя говорила, что посещает собрания адвентистов, что это один из протестантских вариантов христианства, что собираются они по субботам в бывшем фабричном клубе. В ближайшую субботу, перепоясав, что называется чресла, я отправился туда.

Не знаю, Святой Дух ли привел меня, логика или пресловутое «шестое чувство». Но как бы то ни было, это случилось. Когда я вошел внутрь здания, то первые услышанные слова были:

– Здравствуйтесь, очень рады вас видеть, проходите, пожа-

луйста.

Первый раз я переступил порог протестантского дома молитвы. Не было икон, всякого рода золотой мишуры, статуй, горящих свечей и прочей атрибутики. Обыкновенный чистый и ухоженный актовый зал. И народ соответственно похожий. Аккуратные все, без ханжества, впрочем, как и вульгарности.

Само действие также существенно отличалось от православного культа. Не было никаких патлатых фигур в черных балахонах, читающих нараспев непонятные слова неизвестно для кого и неизвестно зачем. Просто вышел за кафедру внешне обыкновенный человек в костюме и галстук и обратился к собравшимся:

– Братья и сестры, помолимся.

Все замолчали, а мужчина нормальным русским языком произнес понятные для всех слова:

– Господи, мы собрались в этот субботний день во имя Твое. Благослови наше собрание. Аминь.

Потом все вместе пели гимн или песню, опять нормальным языком. А затем объявили:

– Время урока субботней школы.

Народ разошелся по группам. В растерянности я топтался в проходе между кресел. Ко мне подошел молодой человек:

– Здравствуйте, вы можете присоединиться к любой группе, но поскольку вы первый раз, то вам лучше присоединиться к пасторскому классу. Это группа, в которой пресвитер

рассказывает об основах вероучения.

То, что мне нужно. В этот раз говорилось о крещении, причем любое утверждение обосновывалось текстом из Библии. И хотя по некоторым вопросам у меня и были возражения, но в целом впечатление было очень благоприятное.

Потом мы опять собрались в одно, молились, пели. Потом был перерыв. Потом проповедь. Не помню, о чем именно говорилось, но самого факта объяснения религиозных вопросов вместо шаманских заклинаний на едва понятном церковнославянском языке православия было пока достаточно.

Собрания проходили по средам и пятницам вечером и основное в субботу утром. Я ходил на каждое, настолько мне необходима была христианская среда. Я впитывал каждое слово, завел тетрадку и записывал в нее все мысли, высказывания, библейские цитаты.

@

Честно признаться, второй причиной столь частых посещений была Светочка. Совсем юная девушка, лет пятнадцати, черненькая, хорошенькая, с немного раскосыми глазами и уже оформившейся женственной фигурой. Можно сказать, не по годам взрослая, юная со старой душой. Она там заведовала библиотекой.

Я подошел к ней и попросил книжку, в которой были бы изложены десять заповедей. Как-то приглянулись мы друг другу, не смотря на безумную разницу в возрасте и совершенно разный менталитет. На собраниях мы вот так мимо-

летно украдкой смотрели друг на друга, иногда перебрасывались несколькими фразами.

Дальше этого не пошло. Конечно же, сам виноват, нельзя всерьез взрослому мужчине да еще с таким скверным характером ждать инициативы от совсем юной девушки. Да еще и в христианской среде. Меня же останавливали и ее возраст, и нечто вроде чистоты и непорочности, и возможный вопрос о бракосочетании, и элементарное отсутствие средств, и неухоженность квартиры.

А тут еще Галя проявила интимный интерес. Мы шли вместе после богослужения домой. И когда уже было недалеко до моего дома, она неожиданно сказала:

– Показывай, где живешь.

– Ну вон дом, вон два окна на пятом этаже, видишь, вон там на балконе веревка с прищепками висит.

– Пошли к тебе в гости.

– Но я ведь безработный, мне даже угостить тебя нечем.

– Ничего, чай есть и достаточно.

И вот стоим посреди комнаты.

– Поцелуй меня.

Ее поцелуй был как контрольный в лобик.

– Нет, не так.

Губы слились, а затем и оба тела слились в одно целое. После всего прошлого холода от вожделения и счастья обладания женщиной аж глаза были на затылке, но Галя была как энергетический насос, из меня высасывающий последнее.

Работы не было, денег тоже, соответственно трехразовое питание, в смысле понедельник, среда, пятница, да еще она...

В общем, еще пара встреч и больше я ее домой к себе не позвал и все как есть объяснил:

– Найду работу, буду питаться хотя бы каждый день, тогда я с тебя живой не слезу. А сейчас повесим ковер нетерпения в сундук ожидания.

Галя приняла стойко, как истинная христианка времен го- нений, хотя удовольствия не испытала.

@

Далее жизнь стала налаживаться. В двери дома нашел записку. В записке просят меня позвонить в институт. Раньше я там со всеми поругался по вопросу, как должны быть организованы бухгалтерские курсы. В том смысле, что слишком много нахлебников к ним пристроилось и надо всю эту плесень с курсов выгнать.

Поскольку плесень эта была в институте давно, и вообще моя позиция всегда отличалась повышенной категоричностью, то просто нашли формальный предлог, чтобы отношения со мной на следующий семестр не продлевать. Другого ничего относительно постоянного не находилось, и случайные заработки репетиторством с великовозрастными недорослями особого дохода не давали.

А тут вот полное раскаяние в содеянном и полный карт бланш, то есть делай что хочешь, никому никаких подсосов больше не будет, и никаких нахлебников вокруг меня тоже

больше не будет.

Первая моя там группа была средняя, но все равно ведь интересно, преподавать для меня не работа, а образ жизни. Тем более, что сижу на подножном корму и уж тем более, что ко мне проявили интерес.

Ее звали Оля, студентка, около двадцати. Она несколько раз оставалась после занятий потрепаться, глаза ее с каждым разом теплели, слова становились все более откровенными, однажды даже накрыла мою руку своей.

Погулять при этом мы не могли, поскольку у нее были какие-то сложные отношения, был тот, кого называют словом жених. Мне не осталось сделать ничего другого, как только пригласить ее к себе среди дня. Чтобы она, как порядочная девушка, к вечеру могла бы вернуться домой.

Что о ней сказать? Тело упругое и налитое, обещающее в будущем превратиться в нечто монументальное, подобное корме броненосца, но пока еще молодое, приятное и жаждающее. Трудно было сказать, чего именно она жаждала, она просто познавала телом окружающий мир.

Осязание было ее основным из пяти общих чувств. Она не отдавалась и не брала, она использовала свое тело как микроскоп, им все рассматривала, проникалась и делала выводы. Никогда не отказывалась, за исключением разве что пика критических дней. А ее настойчивость напоминала исследователя, который говорил себе, что пора работать и расчехлял прибор.

Но самым интересным было то, что я вставал с нее помолодевшим лет на пять. Как это получалось, никто не знает. Она первая это заметила. Когда я откинулся на подушку спиной и блаженно вытянулся:

– Облизни кончик.

– Да вот щас тебе.

И победно посмотрела на меня. Потом посмотрела еще более пристально, голос посерьезнел:

– Посмотри в зеркало.

– А что там, пятна пошли от токсикоза?

– Ты помолодел.

В зеркале отразился я пятилетней давности. Тело прежнее, но лицо как было тогда. Разве что глаза остались такими же печальными. О Аллах, что это было? Получается, что я энергетический вампир?

Я внимательно оглядел ее. Веселая, сытая и довольная, хотя не прочь и повторить. Нет, ничего я у тебя не взял, по крайней мере ничего лишнего. Из тебя энергия фонтаном бьет во все стороны, а я просто собрал себе то, что уходит впустую. Удовлетворенный таким объяснением происшедшего поделился с ней:

– Конечно, у тебя энергетика через край, вот мне кусочек и перепало. Ложись под меня чаще, и я стану постепенно твоим ровесником.

– Вот еще, мне ровесников в институте хватает.

Где-то часа через два лицо приняло повседневный вид.

Мы оба приняли случившееся как должное и знак того, что нам вместе хорошо и следует продолжать. И не экспериментировать с положением тел при близости. Слишком хорошо было мне на ней вдавливать ее тело в кровать, а ей подо мной подаваться своей молодой упругостью навстречу.

Однажды после близости, когда мы лежали и успокаивались, она вдруг сказала:

– Хочу тебе исповедаться.

И стала рассказывать обо всей своей интимной жизни в подробностях. Девственности она лишилась поздней осенью на улице, согнувшись и упираясь руками в скамейку. Естественно, что было больно и некомфортно. Потом несколько раз участие в банных развлечениях, потом подряд несколько сокурсников. Потом встреча с потенциальным будущим мужем, тогда еще курсантом, а сейчас молодым офицером, потом вот я, непонятно что, но с которым почему-то очень хочется.

@

Заодно в качестве побочного эффекта нарвался на очередную внеплановую проверку боеспособности. В этот раз с участием собаки.

Благополучно и тайно проводив Олечку до подъезда, возвращаюсь домой. Повернув за угол своего дома, я увидел двух парней с овчаркой у ближайшего к углу подъезда. А мой подъезд следующий, так что мимо них не пройти. Что-то подсказывает, что просто так пройти не удастся. И точно.

Один из парней наклоняется к собаке и та тут же бросается ко мне навстречу.

Несколько лет назад у меня был похожий случай с участием хозяина и немецкой овчарки. Я бежал домой со стадиона по глухой окраинной улице. Впереди мужчина и женщина средних лет. Вокруг них метелилась черно-рыжая зараза. Что делать мне. По закону бегать по улицам можно, а вот выгуливать собак без намордника – нет. Поэтому бегу себе дальше.

Когда почти поравнялся, псина бросилась на меня. Но не натаскана и трусовата, поскольку вместо решительного прыжка пытается тяпнуть за ногу. Изловчаюсь и бью ее ногой по шее сбоку. Конечно, непосредственно в гортань было бы лучше, но сошло и так. Визг, кровь, собака в разные стороны. Тут заголосили хозяева.

– А чего ты вообще тут бегаешь, когда мы собаку выгуливаем. Собака между прочим породистая и дорогая.

Ну как тут утерпеть, я же лучше собаки. Резкий взмах, и мужчинка в нокауте растянулся посреди дороги. Женщина остается над ним причитать, собака все еще где-то шарахается. Я же, теперь уже беспрепятственно, бегу дальше.

В общем, я этого уже жду. И как только псина начинает отрываться от земли, я делаю короткий шаг вперед и втыкаю носок ботинка ей в шею, скорее даже точно в гортань. Встречный удар, сложение импульсов. Спасла собаку только песья живучесть. Собака с хрипом и бульканьем заскулила

и поползла по асфальту, оставляя кровавый след.

Однако это не все. Нельзя же такое оставлять безнаказанным. Быстрым шагом подхожу к парням и бью одного из них кулаком в лицо. Парень – высокий амбал, почти на голову выше меня, поэтому удар приходится не просто снизу вверх, а как бы под потолок. Инерция слишком велика, но тем не менее, он падает.

Тут же втыкаю другому подошву в пах. Сломался пополам и взвыл от боли. Продолжая траекторию движения, только уже другой ногой бью его сбоку по голове. Однако нога задевает за плечо и удар смазан. Противник падает, но тут же поднимается и не распрямляясь уматывает.

Поворачиваюсь к амбалу. Тот уже поднялся и даже пытается ударить меня собачьим поводком. Блокирую, вырываю поводок и начинаю хлестать амбала по лицу. Он пытается закрываться руками, но помогает это не очень. Поводок хлещет подобно пропеллеру. Был бы потяжелее, и вмешательство пластического хирурга не избежать. Но парню и так достаётся от всей души. Не выдержав, он бросается бежать. Не преследую. Забрасываю теперь уже ненужный поводок на ближайшее дерево и иду домой.

@

Однако война войной, а обед по распорядку. Раз потеплело и снег растаял, то пора на рыбалку. Стало быть, летящей походкой, насколько это вообще возможно при моих ста с хреном килограммах, иду к озеру. В этот раз чувство осо-

бое.

Дело в том, что в прошлом году вышел со мной казус. Взял я тогда с собой баклажку спирта. Хороший медицинский спирт, само по себе ничего плохого. И вот на озере первым делом, что называется за встречу, я глотнул его от всей души. По национальной традиции, для пользы дела, а то ловиться не будет.

Но спирт штука серьезная и сыграл со мной злую шутку. Не то, чтобы спьяну упал рожей в грязь. Спирт дает опьянение постепенно, чтобы вот так сразу окосеть, нужна слоновья доза. Доза была несколько меньшей, чем для слона, сразу в голову почти и не стукнуло. Проблема была совсем другого рода. Что называется, пришла беда, откуда не ждали. Обострилось восприятие окружающего мира. И солнце стало ярче, и небо синее, и облака белее.

Все бы ничего, вот только и вода стала сильнее блестеть. Причем настолько, что ощущение было, будто смотришь на электросварку. Конечно, если отвернуться от озера, то все хорошо. Только вот приехал я вроде как бы на рыбалку. В конечном итоге пришлось уйти гулять в лес. В этот раз ни-ни, в смысле касаето спирта.

А вокруг птички поют и солнышко припекает. Переодеваюсь в свой любимый походный костюм. Любимый мой костюм, надо сказать, состоит из одних кроссовок. Остальное вешается поверх сумки. Ощущение голого тела посреди великолепия природы очень приятное.

И попа моя почти бразильская, правда, пока только формой. С цветом чуть хуже, после зимы серо-зеленая. Как там про лягушку: «Какая-то ты вся зеленая и мокрая. Вообще-то я белая и пушистая, только приболела». Так ведь дело это весной наживное, на солнышке все станет и цвета бразильского.

Вот я и на берегу озера. Вода не блестит так, как в прошлом году. Это хорошо. Но плохо, что и воды как таковой почти не видно, озеро до сих пор затянуто льдом. Полный облом. Я ведь, несчастный, пока шел еще и размечтался окунуться. Вода холодная конечно, зато вокруг благодать как в Эдемском саду. Хотя это и пустословие, надо честно признаться. Ведь в упомянутом саду были только Адам и Ева, кто его знает, как там на самом деле.

Но на этом мои несчастья не заканчиваются. Не знаю, как получилось, но штаны с сумки где-то по дороге свалились. Футболка есть и олимпийка тоже, трусы и те в целости и сохранности, а вот штанов нет. Сгоряча еще не сразу осознал весь трагикомизм положения, а уверенно зашагал на поиски. То есть по существу в обратный путь.

И то сказать, чего зря драматизировать, я в положении гораздо лучше, чем инженер у классиков. Тот был совершенно голый и мокрый, да еще перед захлопнувшейся дверью, а я сухой и всего лишь без штанов. В крайнем случае, буду бежать трусцой, пусть думают, что я член общества «трудорезервы».

Но это говорил мой разум. Чувства же, как оказалось, были совсем иного мнения. Меня неожиданно охватил страх. Он был, как и всегда, липкий и противный. Похолодело внизу живота, а ноги стали «ватными».

– Что же ты будешь делать, когда отечество будет в опасности.

Это говорил разум. Но страх, вопреки увещаниям, увеличивался по нарастающей, какой то безотчетный, подобный детскому ночному кошмару. Нечто похожее случилось с издателем на Патриарших. А затем, как мы помним из бессмертного романа, ему банально отрезали голову. Что может быть более пошлым, чем отрезанная голова между трамвайных рельсов. Прямо как в анекдоте. Лежит, вся такая, голова между рельсов, и посиневшие губы шепчут: «Ничего себе, сходил за хлебушком».

Штаны нашлись в ста метрах от озера, они там благополучно валялись в прошлогодней траве. На ватных ногах возвращаюсь к озеру. Бывает же так, из-за какой-то ерунды. И еще более обидно оттого, что я отнюдь не шарахаюсь от каждой тени.

Ловлю себя на этой мысли. И что за дрянь сегодня в голову лезет. Нет, определенно без женщины на рыбалке нельзя. При случае и отвлечься не на что. Со дна сумки извлекаю другую утешительницу. Называется «Ржаная особая». Полегчало, мысли приняли иное направление. Хотя водка совсем обыкновенная, нет ничего в ней особого.

В конечном итоге, через полчаса поисков и мытарств по траве и кустам, приемлемое место отыскалось, некая лужа свободной ото льда воды. Забрасываю удочку. Ну, должно ведь клюнуть, про такой случай целого калифорнийского червя не пожалел. Сажу и пью глаза на поплавок. Пока не шевелится, зараза. Но сердце подсказывает, не отворачивайся, сейчас клюнет.

Так прошло около часа. Спрашивается, какая в этом радость. Внимание сосредоточено на поплавке и вокруг уже не видно никаких красот и чудес, нет дождя и ладно. Не зря я все-таки предпочитаю донки. Во-первых, их несколько. Во-вторых, на каждой не поплавок, а колокольчик, который звенит при поклевке. Так что можно смотреть на каждый по очереди или совсем не смотреть, а зевать по сторонам.

Все это думается без отрыва от производства, в смысле без отрыва взгляда от поплавка. И вот, о счастье бытия, поплавок дернулся. Клюнуло. Я застыл, как член в холодильнике. Ну же, еще хоть разик, ну пожалуйста, ну хоть чуть-чуть. Yes. Поплавок резко ушел под воду. Подсечка. На той стороне упругое сопротивление. Думаю, на уху хватит.

Щас, размечтался, наивный. На крючке болтается противный ротан длиной примерно с чайную ложку. Опять никакой личной жизни. Ротан – он ведь со всего разгона глотает, и крючок прочно засел в его середине. Примерно там, где у человека кишки. Пытаюсь вытащить, но это напоминает дерганье зубов через задний проход.

Разрезаю ротана ножом вдоль и поперек и извлекаю крючок. С одной стороны его жалко, но с другой ведь это он для меня, а не я для него. Конечно, делать это желательно разумно и зря не убивать. Но ведь я с определенной целью, крючок достать. И потом, если его отпустить с крючком в пузе, то он уже к вечеру сдохнет. Так что считайте меня гуманистом.

Забрасываю опять. Через некоторое время история повторяется. Только ротан помельче, как гвоздик у Буратино. Как там у классика: «Папа Карло, ты хоть бы гвоздик прибил, а то стыдно». Вообще, в гробу я видел такую рыбалку, в белых тапочках. Собираюсь и чешу домой.

@

Тем временем моя христианская жизнь стала обретать очертания. Тем более, что пресвитер дал почитать нечто вроде краткого пособия по богословию, некая импровизация на тему, или инструкция по эксплуатации. Там коротко и ясно было изложено, во что же христиане, а точнее адвентисты, верят. Не скажу, что со всем согласился, но по крайней мере, изучил и принял к сведению. Чтение Библии стало более направленным и осмысленным.

Поскольку я вновь преподавал, и жизнь с профессиональной стороны наполнилась смыслом, я стал молиться за каждого из учеников. Представляя каждого по очереди, я просил Господа о нем, успехов в учебе и личной жизни. Что было поразительно, так это повышение качества обучения. Это не было дополнением к профессионализму за счет опыта, это

был именно ответ на молитвы.

Дошло до того, что две ученицы одной группы посчитали, что я должен решать вообще все их вопросы. Раньше такого что-то не наблюдалось. Они вместе сидели на первой парте и заморожено смотрели на меня, ловя каждое слово как божественное откровение.

Одна из них была Олиной подружкой, и поэтому я знал все подробности. И поэтому же не мог сделать шагов навстречу. Жалко, могли бы спать втроем, по всему ведь выходило, что мне бы они не отказали ни в чем, а если между ними ничего и нет, то аппетит, как известно, приходит во время еды.

Далее в церкви организовалась группа для подготовки к служению проповедников. Я тоже в нее стал ходить. Попробовал выступить с места на богословские темы раз, другой и получилось. И вот первый раз я вышел за церковную кафедру, конечно же нервничал, но это нисколько не помешало.

Братья и сестры!

Можем ли мы просить Бога о чем-то? Можем:

Просите, и дано будет вам...; ибо всякий просящий получает...

...если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них.

Более того, просить нужно:

...не имеете, потому что не просите.

Только вот о чем просить? Можно просить не того по незнанию. Как в греческой мифологии, попросил царь, чтобы все превращалось в золото от прикосновения. Посетовали только боги, что не избрал он другого дара. Все на самом деле стало превращаться в золото, но действительно все – и еда, и вода, и даже жена.

Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите.

Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону.

Вот так попросишь – и сбудется. Да и по закону сохранения энергии если в одном месте добавилось, то в другом убавится. И часто лучше совсем не получить, чем расплачиваться.

Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений.

Соломон попросил мудрости и получил много чего сверху.

Езекия попросил, и тоже получил, только поменьше.

Моисей попросил, чтобы его не трогали, но отвернуться не удалось.

Иисус молился перед арестом, судом и казнью, может быть, не надо. Но, как оказалось, надо, молитва ничего не изменила.

То есть результат не гарантирован. Когда будет ясно, на доброе или не на доброе, по воле Божьей или против воли? Никто точно не знает, у Бога семь пятниц на неделе.

...у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день.

Так какой же вывод, как нам поступать:

– Просить можно и нужно, поскольку под лежащий камень и вода не течет.

– Мы не знаем точно, как Бог расценит нашу просьбу – на доброе ли она, или не на доброе. Мы можем только предполагать.

– Если не на доброе, то не исполнится совсем, а если на доброе, то исполнится, но неизвестно когда и как именно, и какую цену придется заплатить.

Аминь!

@

Проповедь понравилась всем. Даже намекнули прямым текстом, что может скоро появиться великий проповедник. Но проповедовать за кафедру на общих основаниях меня все равно не выпускали. А по секрету было нашептано, что надо бы сначала крещение принять и в общину вступить. Что,

в общем-то, совпадало с моими планами. У адвентистов этому предшествует написание заявления. В тот момент наличие излишнего бюрократизма покорило, но не помешало.

Более покорило другое. Как-то раз в среду я пришел раньше минут на сорок. В зале проходило собрание учителей субботней школы. Руководитель как раз говорил о чуде перерождения апостола Иоанна. Мой вопрос о том, что же именно в этом чудесного, хотя бы относительно других апостолов, и в чем заключается это самое перерождение, был не столько неожиданным, сколько нежелательным. Мне даже не стали объяснять, а просто указали на место.

Как-то сразу из кажущейся открытой общины показалось истинное лицо – жесткой структуры замкнутой организации. Не поэтому ли их сектантами и считают. В тот момент я это молча проглотил, может действительно сунулся не к месту и не вовремя. Но, к сожалению, всему прекрасному приходит конец, и суровая действительность приходит на смену эйфории.

Видимо, настоящей первой ласточкой стали высказывания по поводу добровольных пожертвований. Они сравнивались ни больше ни меньше как с мужеством, стойкостью, преодолением страха смерти. Как будто достал из кармана сто рублей и уже ничего не страшно. Как сникерс, съел и порядок.

Затем были бесплатно розданы брошюры, в которых содержалась совершенно тенденциозная и навязчивая идея

о десяatine. То, что надо делиться, понятно и пьяному ежу. В принципе добровольный взнос одной десятой части всех доходов в фонд общины тоже не представляет ничего отрицательного. Но вот форма, в какой все это преподносилось, совсем другое дело.

И тем более, куда идут пожертвования. У адвентистов единым финансовым центром является высший орган управления – конференция. Туда стекаются все собранные средства и оттуда распределяются. Как у нас федеральный бюджет. Но в государстве худо – бедно, но и доходная, и расходная части бюджета доступны для ознакомления. Здесь же все засекречено. Прямо как золото партии.

Допустим, с меня доход невелик. И с окружающих каждого в отдельности тоже. Но нас много, что называется имя нам – легион. Капля за каплей и набежит прилично. Ко всему прочему массовой структуре легче раскручивать богатых спонсоров. Тем более, что предметом торга является ни больше, ни меньше как спасение души, загробная жизнь, потустороннее счастье, вечный кайф.

А эта брошюра подборкой цитат буквально запугивала. К тому же раздавалась бесплатно. Это притом, что вся прочая литература продавалась. Тут уже подумалось – не тороплюсь ли я со вступлением в общину.

Потом где-то к концу перерыва, когда все уже пообщались, и маялись в ожидании проповеди, ко мне подошли трое так сказать, братьев, все как на подбор моложе и выше рок-

стом, разве что не крупнее.

– Что ты все выпрашиваешь и высматриваешь? Нам это не нравится.

В церкви это было несколько неожиданно, мы ведь не на улице, или как говорят «на районе».

– Не понял, чего надо?

– Того, или прекрати это, или вали отсюда.

Откровенный вызов пробудил мою естественную ответную реакцию.

– Знаете что, сынки чмошные, такие как вы для меня плеень подзаборная. Будете твякать – язык вырву.

Видимо, отпора они не ожидали, поэтому бурча под нос типа – мы предупредили – отошли назад. Плюнул в их сторону и пошел на свое место в зале, где Галя перешептывалась, так сказать, с товарками по цеху.

Больше такого не было. Ко мне никто не подходил, а моя злость мгновенно погасла, хотя раздражение осталось. И когда мне передали записку с просьбой проводить занятия с детьми по основам безопасности, то я при всех демонстративно бросил записку в корзину для мусора.

Одна случайная мелочь подлила масла в огонь. Девушку, приехавшую из другой местности и уже принявшую крещение у адвентистов ранее, когда она выразила желание стать членом именно данной общины, подвергли процедуре экзамена, а затем ее заявление было вынесено на голосование.

Я повторю для ясности. Она является членом церкви или

конфессии адвентистов седьмого дня и на этом основании должна быть принята в любой ее общине. Так было даже у коммунистов и нацистов в самые лучшие их времена.

Все, что нужно было сделать, это принять ее и представить. Как члены общины, так и пастор не имеют права решать голосованием данный вопрос. Принимая крещение, человек заключает завет с Господом, и становится частью Тела Христова, то есть членом церкви. Действия пастора являются злоупотреблением служебным положением по форме и издевательством по существу.

Это я высказал устно и пастору и обоим пресвитерам. Кстати, все трое признали мои доводы обоснованными. Но дальше этого дело не пошло. Ни перед девушкой не извинились, ни перед общиной не признали ошибочность действий, ни саму процедуру не отменили.

Еще одним камнем преткновения стали так называемые миссионерские вести. Это представляло собой следующее. На субботнем собрании руководитель субботней школы знакомил собравшихся с отдельными случаями обращения в христианство, исцеления, спасения от напастей и подобному этому, происшедшее когда-то, где-то, и с кем-то.

Но то ли от глупости, то ли почему-то еще, только под их видом руководитель субботней школы призывал к лжесвидетельству и финансовым злоупотреблениям. Свое мнение я отразил в письменном заявлении, которое передал лично пастору.

Предложения по данному вопросу я изложил в том же заявлении. Этот жанр письменного творчества сам по себе не представляет интереса, но напоминаю, что дело происходит в христианской среде, среди верующих, «освобожденных от лжи и лицемерия, насквозь духовных». Поэтому приношу свое заявление полностью.

В совет общины церкви адвентистов седьмого дня.

Заявление

Руководитель субботней школы знакомит нас с миссионерскими вестями. Само по себе дело хорошее, но если к нему относиться серьезно и ответственно. Пока же ситуация прямо противоположная. Монотонно зачитываются из сомнительных источников истории, происшедшие с какими-то людьми где-то в Юго-Восточной Азии. Причем эти истории не только не имеют христианской направленности. Если в них слова «церковь», «адвентист», «богослужение» заменить, например, словами: «капище», «шаман», «камлание» и любыми другими, то остальное ничего менять не нужно. Постольку представляет оно собой некое бледное подобие рубрики «калейдоскоп» из журнала «Вокруг света».

И все бы ничего, если бы подобные истории звучали в клубе «Юный турист». Но ведь мы слышим это во время Богослужения!!! Там, где должно звучать исключительно Слово Божье «прописались» истории, достойные разве что Фонвизинского Митрофанушки.

Однако есть еще более недопустимые вещи, когда в мис-

сионерских вестях мы слышим откровенное нарушение Священного Писания, преподносимое не иначе, как истории со счастливым концом. Вот примеры:

«...Вождь сказал пастору, что поедет в город за новым мотором, а сам отправился к другому пастору, чтобы принять крещение...».

Как будто заповедь «не лжесвидетельствуй» уже утратила свое значение. То есть обмануть, кинуть, развести и тому подобное преподносится как примеры христианского поведения.

«...Вождь деревни был одновременно руководителем адвентистской общины. И он стал строить молитвенный дом. Когда же он умер, то другой вождь, не адвентист, строительство прекратил...».

А эта история о чем? О том, что вождь-адвентист направил средства бюджета деревни на строительство культового сооружения именно той конфессии, к которой не только принадлежал, но которую возглавлял. Другой же вождь, не адвентист, то есть последователь другой конфессии, или религии, или вообще атеист, строительство прекратил. По существу устранил злоупотребление служебным положением прошлого вождя.

Может быть, там у них это и в порядке вещей, но здесь у нас церковь отделена от государства и всех его институтов, включая бюджет административного образования, в данном случае деревни.

Однажды в телепередаче «Клуб путешественников» рассказывалось нечто подобное вышеназванным миссионерским вестям: Христианский миссионер-европеец проповедовал Евангелие в одном из племен жителей Индонезии. Все они приняли крещение. Когда же он спросил своих вновь обращенных последователей, кто же из Евангельских персонажей для них пример, все в один голос ответили: Иуда.

Как же так, почему? Потому что Иуда:

- Расправился с врагом.
- Сделал это чужими руками.
- Да еще на этом заработал.

Вот такая у них мораль, разве можно выдавать ее за руководство к действию для нас?

Таким образом, отношение к миссионерским вестям в настоящее время совершенно безответственное. Как человек не только верующий, но и пытающийся разделять адвентистские доктрины, я не могу пройти мимо вышеописанных безобразий. Однако мое обращение не ограничивается критикой, а имеет конструктивные предложения.

Итак, предложения:

- Прекратить чтение миссионерских вестей в форме, практикуемой в настоящее время.
- Собрать и обобщить духовный опыт членов общины.
- Обратиться к другим общинам в окрестностях по поводу ихнего духовного опыта.
- В качестве миссионерских вестей рассказывать не о ка-

ких-то индейцах, а о реальных людях, живущих рядом с нами и которых мы все знаем или можем узнать.

– Поручить миссионерские вести миссионерскому отделу. Руководитель же субботней школы должен заниматься субботней школой.

Я понимаю, что это сложнее, чем бездумно зачитать текст сомнительного качества из импортного журнала. Но видимо все-таки церковь – это не клуб любителей экзотики.

Прошу членов совета рассмотреть мои замечания и предложения не только по существу, но и по пунктам, не отделиваясь общими фразами.

@

Если я правильно понимаю термин «лицемерие», то это значит на словах одно, а на деле другое. Именно так поступил пастор в ответ на мое обращение по поводу безобразий в миссионерских вестях. Сначала он сказал, что община – это организация, она имеет орган управления – совет, и поэтому необходимо письменное заявление. Когда же такое заявление было представлено, то ответа так и не последовало ни письменного, ни устного.

Пресвитер сказал, правда, что рассмотрение отложено по объективным причинам. Однако, во-первых, это было сделано в частном порядке, а не в виде официального ответа. Во-вторых, само рассмотрение целесообразно с участием всех заинтересованных сторон. То есть на совет необходимо было бы пригласить или вызвать меня, дабы я изложил свою

позицию. В-третьих, кроме обвинения в заявлении содержались еще и конструктивные предложения, не рассматривать которые нет причин.

Значит, управлению есть что скрывать, или может быть также, что в этом случае сделана попытка, так сказать, отстоять честь мундира. Но честь – как мера оценки общества, не терпит двойных стандартов.

Ну а далее случилось, на мой взгляд, совершенно недопустимое событие в христианской среде, а именно празднование дня 8 марта. Это стало последней каплей. Страшно даже вдуматься в смысл действия. Тело Христово раз в году делится по половому признаку и одна половина поздравляет другую с принадлежностью к противоположному полу.

– Поздравляю вас с тем, что у вас между ног не так же, как у меня.

Не говоря уже о том, кем именно и при каких обстоятельствах изобретен сей праздник, сам факт принятия церковью светского праздника является откровенным кощунством. Тем более посвящать ему Богослужение.

Сам Христос говорил: *«дом Мой домом молитвы наречется, а вы сделали его вертепом разбойников».*

Нет, к счастью до вертепа разбойников дело не дошло. Более правильным будет сравнить общину с клубом при заводском профкоме во главе с заведующим клубом – пастором. С одной стороны он зависим от того, кто платит, в конечном итоге от «Белого Отца из Вашингтона», а с другой – от со-

вета общины.

По аналогии от директора завода с одной стороны и председателя и членов профкома с другой. Как ни крути, а слуга двух господ, при этом еще должен быть и хорошим хозяйственником. То есть беспринципным, жуликоватым, всем удобным. Но никак не ревностным хранителем евангельских истин.

Короче говоря, я перестал посещать их собрания.

Однако, пока я тут тусовался, в городе силами их семинарии был проведен евангельский проект и по результатам образовалась еще одна адвентистская община. Ткнулся туда. Там все малознакомы друг с другом, во главе студенты семинарии, которые по окончании получают распределение или назначение неизвестно куда, для них это тренировочная площадка, в общем, разок выпустили за кафедру.

Братья и сестры!

Сегодня будем говорить об одной из адвентистских доктрин, о доверенном управлении.

Напомню, что человек создан по образу и подобию Бога. Однако не все в человеке относится к образу и подобию Бога. Бессмертен дух человека, а душа и тело всего лишь инструменты, которые даны ему не в собственность, а в управление.

Причем имеют они временный, проходящий характер. Как развиваются, так и угасают. Еще человеку даны в управление духовные дары и способности, имущество или доход, а также время.

Можно сказать, что смертные тело и душа – это дом, а бессмертный дух – это домоуправитель. И как же этим домом надо управлять, что вообще с ним делать? Писание предписывает следующее:

...возлюби ближнего твоего, как самого себя.

Здесь надо обратить внимание на последовательность и соподчиненность. «Как самого себя» – то есть сначала самого себя, а потом точно также ближнего. Это как секс с партнером начинается с подростковой мастурбации. И если себя не любишь, то как будешь любить ближнего?

Любовь проявляется, прежде всего, в эмоциях, а далее в ощущениях и действиях.

Вот пресыщенный Соломон, написавший ранее о радостях любви к женщине в книге Песня Песней устало говорит:

...и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы;

Еще бы, сколько веревочке не виться, а кончику быть. При такой-то интенсивности. Как у классика: в обед еще, и в ужин тоже, да кто ж такое стерпит...

И было у него семьсот жен и триста наложниц; и развратили жены его сердце его.

Павел, напротив, сравнивает христианина не с беспредельным искателем удовольствий, а с воином.

Но разве может успешно воевать тот, кто слаб и нерешителен? Как может помочь больному тот, кто сам болен, защитить ближнего, если не может защитить себя, поделиться

доходом, если сам нищенствует? Обратить вообще внимание на ближнего, если насквозь погряз в гордыне и похоти, или даже навязчивых пристрастиях, вроде алкоголя, карьеры или сутяжничества.

В общем, надо готовиться.

Даже Иисус и то готовился, прежде чем делиться результатами. Что делал Иисус потом? Учил и проповедовал. Делал то, что знал и умел, к чему был подготовлен. А если исцелял, то не как врач, и кормил не как повар. Он использовал для этого сверхъестественные способности или возможности, которые человеку не даны, или даны лишь некоторым и очень избирательно. Так Петр исцелил хромого, а Павел воскресил юношу.

Только вот к чему готовиться? Все очень просто, соблюдай нравственный закон Иисуса Христа, то есть возлюби Господа и возлюби ближнего.

Возлюби Господа – не будь рабом привычек и догм. Догматика часто повторяет заблуждения невежества или ошибки перевода. Привычки к семье, имуществу, деятельности, допингам, азарту, определенному образу жизни и стилю поведения, тем более догмам – все это отворачивает от Бога.

Возлюби ближнего – просто соблюдай золотое правило: *«...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними...»*.

То есть вести себя одинаково со всеми. Примеры избирательности в Библии имеют отрицательный характер. Помо-

гать нужно всем, кто попросит, или кто в помощи нуждается, а попросить не может, подобно самарянину. И если помощь на доброе. Но помощь свою навязывать не нужно, то есть не просят – не делай.

Поскольку же добро и зло понятия относительные, то помогайте тому, кому считаете нужным. Только не навязываете своей помощи и тем более не принуждайте других вам следовать. И уж тем более не делайте ничего публично, напоказ.

Но ведь если нужна медицинская помощь – идешь в больницу, нужна защита – в полицию, знания и умения – к учителю. Но никак не наоборот, как полицейский не может вылечить, так и врач защитить, ведь каждый из них служит СВОИМ даром, а не вообще.

А вот на бытовом, повседневном уровне, каждый из них в состоянии помочь ближнему. По-другому говоря, все понемногу и все о немногом.

Все о немногом – значит максимально возможно развивать свой дар, ну, или врожденную способность.

Все понемногу – значит поддерживать форму, не быть рабом привычек и догм. Догматика часто повторяет заблуждения невежества или ошибки перевода. Привычки могут быть к семье, имуществу, деятельности, допингам, азарту, определенному образу жизни и стилю поведения.

Еще надо делиться. Зачастую по этому вопросу вспоминается десятина. Однако уже в Библии заложено неравенство, скрытая форма эксплуатации. Всего двенадцать ко-

лен. Одиннадцать платят десятину, одно получает. У каждого из одиннадцати остается по девять десятин, а у одного – одиннадцать. Это справедливо? Все равны, но некоторые равнее?

Когда жили вдвоем Адам и Ева кто кого эксплуатировал? Две половины целого соединялись, разные качества дополняли друг друга. Лучше всего это отображено в символе инь – ян. Так что десятина это по существу налог или партвзнос. И получатели на этом паразитируют. Поэтому никаких десятин.

Что еще? Делать добро и не делать зла? Но что такое добро и зло? В общем и целом добро – положительная оценка, а зло – отрицательная одного и того же. Поскольку абсолютен только Бог, а все остальное относительно, то это же относится к добру и злу. Нет никакого абсолютного добра и зла. Даже сам Иисус, делая кому-то добро, приносил другим своим добром только зло. Хотя бы тем же первосвященникам. Или, например, воскресив сына вдовы, лишил заработка работников похоронной сферы.

Помог нуждающемуся – забрал у семьи. Если кто-то выиграл, то кто-то проиграл. Ну и так далее. Значит, что добро и зло не вообще, а конкретно для кого-то или чего-то. Для конкретных личности, коллектива, структуры, класса, государства, расы. Но никогда не для всех. А если не для всех, то добро эгоистично.

Соответственно с такой позиции любое деяние, то есть

действие или бездействие, должны рассматриваться не с точки зрения абсолютных добра и зла, а всего лишь только под одним углом – кому это выгодно.

Что еще? Будьте святы.

Ибо написано: «будьте святы, потому что Я свят».

Святость – это отделенность. И как Бог от мира отделен, но присутствует во всем, так и человек должен отделиться, быть в миру, но не от мира. Наше царство на небесах.

В общем, подготовь себя к служению своими дарами и способностями, постоянно совершенствуй готовность, подобно воину, и делись с ближним тем, чем считаешь нужным. А если попросят поделиться чем-то другим, то делись, если это не нарушает твоей готовности, и если считаешь, что просят на доброе. При этом смотри на все как бы со стороны, ни к чему и ни к кому не привязывайся, помня о том, что мы все здесь временно и наше царство на небесах.

Аминь!

Я понимал, что трогаю болезненный для адвентистов предмет, но остановиться не мог – меня просто вело ощущение правильности позиции. Тем не менее, хоть догматику адвентистов я и затронул, да еще в одном из самых спорных мест, мне на дверь не указали.

Однако, информация просочилась, студентам видимо вставили большой пистон и мне было сказано, что прежде чем выходить с проповедью мне надлежит доказать свою лояльность структуре. Естественно, что меня это не устраива-

ло. Поэтому мой адвентистский период закончился.

@

Примерно тогда же потерял и Олю. Дело в том, что на улице я вдруг столкнулся с другой Олей. Мы знали друг друга давно, посещали когда-то один спортзал, целовались и трогались, но дальше не шагнули. Я тогда был еще официально женатым, к тому же под завязку занятым, а ей было всего лет семнадцать, и она была вся в подростковом максимализме.

Мы и познакомились в спортзале. Общая тренировка еще не началась, я в углу что-то отработывал, когда ко мне подошла незнакомая юная пухленькая девушка и предложила спарринг. Глупость, конечно, если рассматривать контактный вариант, но просто так поиграть, как это называют китайцы, в пуш – пуш, почему бы нет.

Мы мило обменивались почти что бесконтактными движениями, стремясь друг друга переиграть, пока я, уж не знаю почему, не сделал заднюю подсечку, так называемый «хвост дракона». Это когда с упором на руки делается круговой мах ногой, подсекающий под голени.

Вообще-то с учетом значительной разницы и в весе и в классе, сделал я это зря, поскольку такая подсечка скорее напоминает удар. Оно бы и ничего, если дело происходило на деревянном полу, приземлилась бы на пятую точку и все. Но мы были на гимнастических матах, по которым, как известно, ноги не скользят.

Поэтому это был действительно тяжелый удар. Она со сто-

ном рухнула на мат. Потом всей толпой присутствующих мы ее утешали, рассматривая постепенно опухающую голень. Потом я ее, хромающую, проводил домой.

В общем потрепались, вспомнили прошлое, и договорились вечером встретиться. Встретились, и не нашли ничего другого как купить несколько бутылок вина и пойти ко мне. Дома мы выпили за возобновление знакомства и тихонько стали друг друга раздевать. Раздалась, растяжки после родов, прошло ведь больше десяти лет, но старая любовь не забылась, и мы просто доделывали то, что не успели тогда. Было вкусно.

И вот мы с этой Олей стояли пьяные, обнявшись, около моего дома посреди дороги и смотрели на луну. Та Оля как раз приехала ко мне на машине. Устраивать скандал она не стала, просто выглянула, оценила картину, хлопнула дверью и уехала.

Но я даже не расстроился, эта была вкуснее той. Точнее не то чтобы вкуснее, просто эта ближе для души. А та как наложница, услада после праведных трудов. Тем более, что эта свободна и с ней можно посреди улицы на луну смотреть, а та занята и с ней можно только тайком беса тешить.

Лето

К этому времени я уже располагал информацией о возможных вариантах христианского применения в городе, поэтому, особо не мудрствуя, начал отрабатывать их по одному. Оработка имеющихся в городе общин протестантской направленности естественным образом привела к баптистам.

По слухам было известно, что они приносят в жертву маленьких детей, запрещают читать книги и смотреть телевизор. Ихний дом молитвы большинство местных жителей предпочитает обходить стороной.

Ерунда конечно, поскольку основано все на фильме «Тучи над Борском», где в чистом виде показана община пятидесятников, а не баптистов. И то, там пострадала девушка с неокрепшей психикой.

Зато комсомольское собрание в полном составе ничего не могло возразить и тем более предложить взамен верующему юноше, что говорит о суррогате всего прочего относительно искренней веры в Бога.

Тем не менее, эти слухи для меня были тогда по существу единственным источником информации. Так что до уверования это был весь мой опыт знаний по данному вопросу. Да еще, пожалуй, то, что это все-таки протестантское направление, наряду с адвентистами, пятидесятниками, харизматика-

ми и прочими.

Я чуть опоздал, богослужение уже началось. Казалось, что я попал в роман Вальтера Скотта «Пуритане». Бедная обстановка, скрипучие стулья, дешевые обои и занавески. Присутствуют в основном пожилые женщины. Все задрапированные, не смотря на лето, по самое не могу, в длинные кофты и юбки и закутанные в платки.

Само богослужение в общем и целом от адвентистского не отличалось. Хотя особенности были. Тон и содержание песен и стихов лучше всего описал поэт: «Этот стон у нас песней зовется». Тягучая, заунывная мелодия наводила тоску, а содержание характеризовало жизнь человека как сплошные страдания, которые нужно безропотно терпеть, потому что Бог терпел и нам велел. Только вот в современном мире человек страдает не столько от тягот и невзгод, сколько от собственных зависти, лени и жадности. В Библии это называется похоть, гордость и праздность, но суть от этого не меняется.

В остальном же впечатление было вполне благоприятное. Проповедей было три или четыре. Говорили о разном и разному. Но темы были просты и понятны. О Христе, спасении, человеколюбии, смирении. То есть вечные евангельские темы.

На Ветхий завет если и были ссылки, то лишь как на вспомогательную литературу. Оно и правильно, ведь закон был дан иудеям. Нам же через смерть и воскресение Христа дана

благодать. Чего же нам, получившим вечную жизнь во Христе, оглядываться на мертвую букву.

По вторникам была библейская школа. Там тоже было все в порядке. Ведущий читал текст из Библии, затем предлагал высказать свое мнение о прочитанном, и обобщал высказывания. По существу это был нормальный постоянно действующий семинар или дискуссионный клуб. Казалось, что обрел я свое место.

Однажды, выходя после воскресного богослужения из молитвенного дома, я услышал:

– Молодой человек, подождите, пожалуйста.

Я оглянулся. Меня окликал мужчина лет шестидесяти пяти, высокий и худой как Дон Кихот, и в очках как Паганель.

– Вы не хотели бы пойти учиться?

Это было совершенно неожиданным. Учиться я, разумеется, хотел, вот только денег на учебу не было, да и староват я для студента. Все это я и высказал. Однако услышал то, о чем не мог и мечтать. Обучение бесплатное, более того, платят стипендию в долларах, дорогу оплачивают, иногда еще и кормят. Львович назвал два места, корейская пасторская школа и библейский американский колледж. Потом мы с ним туда съездили, и я выбрал американский.

Пока ездили, Львович рассказал мне, что раньше он был пастором у баптистов, но разошелся с прочим руководством по административным вопросам и был отстранен от служения. Сам он успел уже закончить обучение и у корейцев

и у американцев.

@

Тем временем, в церкви я конечно же попросил допустить меня до проповеди. Они там на совете посоветовались и в порядке исключения разрешили. О чем говорить? На что Святой Дух сподобит.

В ближайшее время, на воскресном богослужении, после общей молитвы, пресвитер обратился к прихожанам со следующим:

– Братья и сестры! В нашу семью входит новый брат Александр, многие его уже знают. Он просит позволить ему обратиться к нам с проповедью. Нет возражений?

Он кивнул мне. И вот я первый раз встаю за ихнюю церковную кафедру. Несколько звонким от волнения голосом я начал:

– Братья и сестры! Спасибо за доверие, помолимся.

Все встали, и я произнес слова молитвы, которые подсказало сердце:

– Отец наш небесный! Благослови собрание верующих в Тебя, благослови говорящих и слушающих слово Твое. Во имя Иисуса Христа прошу Тебя, аминь.

– Аминь, – дружно выдохнули все и сели.

А я начал проповедь:

Когда я еще учился в школе, то прочитал один рассказ. На американском диком западе, посреди пустыни проходила железная дорога. На затерянном полустанке в окружении

редких кактусов жил одинокий старик. Его обязанностью было встречать поезда и помогать машинисту заливать воду в паровоз.

Поезда приходили очень редко, один раз в несколько дней. Однажды приехал инспектор. Он оглядел окрестности, потом маленький домик станции и спросил у старика:

– Здесь так одиноко, не скучно вам одному?

– Нет, – ответил старик, – мне не скучно, я всегда занят, я читаю.

– Но я не вижу здесь книг, – удивился инспектор.

– Я читаю только ОДНУ!!! Книгу.

И действительно, на столе лежала единственная книга. Это была Библия.

Сейчас Библия есть почти в каждом доме. И почти всегда она пылится на полке. Почему? Во многом потому, что никто не знает, как ее читать. Начинают сначала – не впечатляет, пытаются начинать с откровения – ничего не понятно, читают «по диагонали» – не воспринимается.

Начинать нужно с псалмов. Псалтырь подобно камертону настраивает душу. Только потом следует перейти к Евангелиям. А затем к посланиям апостола Павла. И только после можно браться за все остальное. И не забывать периодически возвращаться к псалмам, поскольку душа, как и музыкальный инструмент, нуждается в постоянной подстройке.

Так ведь все просто, но объяснить это некому. Кто же должен объяснить? Да тот, кто это знает и может – Церковь.

Именно это ее основная функция, именно для этого она и существует. Благослови, Господь, церковь Свою.

Аминь!

Что сказать, для всех мой подход к проповеди был слишком неожиданным, все привыкли к традиционному чтению морали. Тем не менее, впечатление было благоприятным, можно сказать, что общий результат был успешным. Мое. Однако, больше не допустили без предварительного публичного покаяния и крещения. С пресвитером мы договорились несколько изменить последовательность. Покаяние – проповедь – крещение.

Да, я действительно перед собранием на коленях покаялся в своих видимых, длящихся и постоянных грехах. Вспыльчивости, грубости, лени, злоупотреблении алкоголем и любви к противоположному полу.

@

Где-то в это же время я соблазнил Ольгу пойти со мной на рыбалку, с заходом на лесное озеро. На него мы действительно зашли. Можно даже сказать, что с озером все было нормально, поскольку озеро все затянуто растительностью, и ловить не то что нельзя, но и ловить даже негде.

Тогда к реке. Я точно помнил, что в прошлом подойти от озера к реке можно было свободно. Только вот совсем забыл, что озеро тянется вдоль на километр и подойти можно с того края озера. Мы же пошли с этого. И вот теперь перед нами овраг, не знаю, какой длины и какой ширины. Или

обойти, или вперед и с песней. Хотя песни наши закончились еще раньше и очень быстро. Мы вообще оба любители потрепаться, но тут Ольга почему-то упорно молчала, подобно героям молодогвардейцам.

– Оленька, чего молчишь?

В ответ только скрип зубов. Тут я вспомнил восточную сказку с похожей ситуацией.

– Счастье мое, давай поменяемся рюкзаками.

– Давай.

Когда мы поменялись, мне все стало ясно. Ее рюкзак был почти вдвое тяжелее, хотя все бутылки были в моем. Оказалось, что, не смотря на середину июля, она собралась как на северный полюс и тащила с собой тулуп размером на снежного человека. И где она такой откопала, в музее что ли? Как говорится, вот тебе голубчик овчинный тулупчик.

Некоторое время шли вдоль оврага, но затем рискнули пройти сквозь заросли. Как это у классика: «И тогда он вырвал из груди свое сердце и бросился вперед. И люди побежали за ним». Как красиво в сказке и как отличается от действительности. Ольга пошла за мной мужественно, но явно без всякого удовольствия.

Во-первых, мы с головой скрылись в крапиве, которая, как известно стрикучая или стрикастая. Во-вторых, внизу была вода, в некоторых местах доходившая до колен. В-третьих, там могли быть пиявки. Как это в детской песне: «На-

пали на козлика злые пиявки, остались от серого серые плавки». А про то, что в этих местах водятся гадюки, я Ольге благо разумно не сказал. Не хватало еще ее истерики. В-четвертых, мы чуть не сбились с направления. В-пятых, и это «в-пятых» стало самым большим для нас ударом, когда часа через два мы все – таки выбрались на берег.

Мы стояли над обрывом, внизу плескалась вода, но в обе стороны росла двухметровая молодая поросль лозы. Стволы или скорее ветки толщиной с двадцать первый палец в пионерской готовности стояли сплошным частоколом подобно зарослям камыша или бамбука. У Ольги из глаз брызнули слезы. Я ее понимаю, собиралась ведь приятно проводить время с любимым мужчиной, а не тренироваться на выживание в джунглях.

Тем не менее, в свое время мы вместе изучали боевые искусства и там страх, усталость и боль вообще естественные ощущения. Я просто забрал у нее рюкзак, повесил на грудь и двинулся вперед вдоль обрыва. Ольга всхлипывая, пристроилась вплотную сзади. Опасный маневр, так может веткой здорово хлестнуть. Но она слишком устала, чтобы самой через них протискиваться. Я тоже смертельно устал, однако, чувствуя себя бульдозером, двигался вперед. А для нее я вообще был кумиром.

Уже смеркалось, когда мы все-таки выбрались на нормальный берег и упали. Усталость буквально скрутила нас в узел. Надо было срочно что-то с этим делать. Скоро ночь,

будет холодно, нужно собрать дрова для костра. Про рыбалку мы даже и не вспомнили. Я достал из рюкзака бутылку водки и разлил всю поровну в две кружки.

– Пейте, девушка, если хотите завтра подняться.

Далось ей это тяжело, я же всосал в пять глотков. Потом пошли купаться, потом я оставил ее стеречь вещи, а точнее отдыхать, а сам ушел собирать дрова. Ко всяким такого рода нагрузкам лично я привык еще в армии, для меня это всего лишь некоторый дискомфорт. К тому же в таких ситуациях вспоминаются приобретенные навыки.

Вскоре костер весело запылал, еще минут через двадцать был готов ужин, чай, еще пятьдесят ей и остальное мне. Потом она заснула. А мне не спалось. Стыдно признаться, но одолела икота. А я как назло совсем забыл, как ее прекращать. Точнее, никогда и не знал. Полежал, но она достала меня совсем, еще и Ольгу разбудить боялся. Поэтому поднялся и пошел бродить по берегу. Когда вернулся, Ольга сидела и тарасила испуганные глаза в темноту.

– Оленька, ну что ты, я же здесь рядом.

Она расплакалась.

– Как ты мог меня бросить.

– Ну ты же спала, а меня икота достала, я боялся тебя разбудить.

– Ну и что, что икота, пока ты тут икал, мне было спокойно, потому что ты был рядом. А как перестала слышать, так сразу проснулась, и мне стало страшно одной.

– Ну прости меня, мое счастье.

Однако, хоть в том момент и простила, но кошка между нами все—таки перебежала. Слово за слово – мы поссорились.

@

Баптисты выпустили меня за кафедру еще раз, так сказать, убедиться в правильности выбора. В этот раз я перед проповедью молиться напоказ не стал, а начал сразу же:

Братья и сестры! Сегодня я буду говорить о богатстве и бедности.

Апостол Павел говорит:

Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем.

Нужда – это недостаток в необходимом, без чего человек не может обойтись, просто умрет или получит какой-то ущерб. А все остальное в материальных вопросах лишнее. Ведь по существу вся наша цивилизация – это набор избыточных ценностей.

Что человеку на самом деле нужно? Пища для поддержания жизни. Жилье и одежда для укрытия от непогоды. И особь противоположного пола для размножения и общения. А все остальное по большому счету лишнее, удовлетворяющее:

...похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую.

Но человек есть образ и подобие Бога, поэтому ему нужно что-то еще. Вообще потребности человека можно разделить

на три категории: физические, социальные и духовные. Физические направлены на обеспечение биологического существования. Социальные – на признание в среде себе подобных. Духовные – на творчество, поиск добра, красоты, истины, справедливости, и в конечном итоге Бога. Как высшего смысла жизни и абсолюта.

И вот Павел в тюрьме. Но он продолжает свою миссионерскую деятельность, разве что лишен возможности выступать публично, то есть несколько поменял форму, так сказать, сменил прикид, или перекрасился.

Признание есть. Бог говорит с ним лично, ему даже искать не надо. А в материальном плане он имел достаточно минимально необходимого.

Как раз он и говорит именно о том, что больше ему ничего не нужно, применительно к данной ситуации. Но если бы его выпустили, то ситуация поменялась бы. Хотя бы в минимуме, если в тюрьме крышу над головой обеспечивает государство, то на свободе ему пришлось бы этим озаботиться.

Бочка Диогена была большой. По крайней мере, он в ней помещался. И в любом случае он не мог жить без еды и одежды. Он не нуждался, у него просто не было ничего сверх минимально необходимого.

Однако представим, что живет он не в теплой Греции, а в холодной Финляндии. Тогда ему уже недостаточно бочки. То есть минимально необходимое определяется ситуацией. А еще вкусом, предпочтениями, окружающей средой. Та-

ким образом, определение минимально необходимого процесс, во-первых, индивидуальный, а во-вторых, постоянный. То есть в этом направлении придется работать над собой постоянно.

Но появляется вопрос противоположный. А если всего очень много, то как к этому относиться. Есть соответствующая притча:

В одном царстве жил мудрец, почитавшийся всеми как просветленный и великий учитель. Он жил в уединении, имущества не имел и питался тем, что приносили просители. Сам царь часто приезжал к нему и советовался по всякого рода вопросам. Однажды царь предложил:

– Пойдем жить ко мне, я дам тебе дворец, слуг и сделаю главным советником.

– Пойдем.

И вот мудрец живет во дворце. Сплошные праздники, оргии, в общем столица на ушах. Однако, царь стал замечать, что мудрец постепенно решает все больше вопросов вместо него, к нему идут за советом и помощью и вообще считают истиной в последней инстанции. Отшельническая жизнь забыта, как будто все было так всегда. В конце концов царь не выдержал:

– Как можешь ты называть себя просветленным, если так ведешь себя?

– Хорошо, давай сядем на колесницу и поедем.

Подъехали к границе, мудрец говорит:

– Теперь все бросаем, раздеваемся и пойдем жить в другое царство.

Царь подумал, что ослышался:

– Как бросаем? Я здесь царь, а там буду никто.

– Вот, что и требовалось доказать. Ты привязан к статусу, а мне все равно. Поэтому я просветлен, а ты нет.

Да, это восточный вариант, но смотрите, что говорит апостол Павел:

Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе.

Перестроена система ценностей, в которой все текущие проблемы отошли на задний план. Павел несет служение, к которому призван, а в остальном полный пофигист, то есть ему все равно, что в скудости жить, что в изобилии. А если и проявляет себя, то это эмоции скачут, или опять же это в интересах служения, ибо цель оправдывает средства.

Все хорошо, но чем его учение отличается от учения Будды, или Лао Цзы? Или от кодекса самурая, или революционера народовольца? По существу ничем, по крайней мере, оно точно также не годится для использования в повседневной жизни.

Как научиться жить в изобилии, которого нет? Даже Будда от изобилия ушел, поскольку не смог научиться в нем жить. Если изобилие дано по рождению или как-то приобре-

тено, то научиться в принципе можно, перестроив собственную систему ценностей, поставив наверх что-то, с избытком не связанное. А вот если его нет?

Или где и при каких обстоятельствах этому научился Павел? Христос в избытке сам никогда не жил, и не учил жить в избытке. То есть Павел, научившись жить в избытке, Христу не подражал!!!

Он начал миссионерскую деятельность и благополучно осел в Коринфе. Палатки шил. А к нему уже потекли пожертвования сочувствующих. Не там ли он и научился жить в избытке? Не напоминает ли это Ленина, который перед революцией сидел себе в Швейцарии, занимался неспешным сочинительством, пока другие, вроде Троцкого, Сталина и тем более Дзержинского, гнили по тюрьмам, ссылкам и каторгам в России. Павел даже обоснование вывел:

Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования.

В общем все равны, но некоторые равнее. И коммунисты ничего нового не придумали, просто взяли на вооружение библейский принцип. Двенадцать колен Израилевых, из них колено Левия назначено служителями, а остальные одиннадцать должны давать десятину, десятую часть доходов, на его содержание. У каждого колена остается девять десятых, но у колена Левия одиннадцать десятых. А соответ-

ственно превосходство в доходах для священства заложено в Библии.

То есть Павел откровенно и бессовестно лицемерит, рассуждая о богатстве и бедности, предпочитая сам комфорт и достаток, ни за что при этом не отвечая. Делаю то, что хочу, а вы отдавайте мне за это то, что должны. И тоже самое Петр, призывает терпеть страдания, а сам ждет, когда его покормят, да еще этого требует.

И очень часто служители повторяют путь Павла. Только не весь путь, а исключительно то, что выгодно. Они ничего не делают, а суетятся, создавая видимость. А пожертвования бесконтрольно забирают себе. По крайней мере, забрать пытаются. Да еще с протянутой рукой стоят на папертях всякого рода иностранных миссий. Евангельская истина искажается. Избавь нас, Господи, от этой плесени, пошли нам истинных служителей, подражающих Христу, а не его толкователям и как бы подражателям.

Аминь!

Да, к такому подходу господу баптисты не привыкли. И хотя я и не называл никого конкретно, к проповеди больше не допустили. Официальная версия – решение общего собрания. Сорок процентов за – шестьдесят соответственно против. Налицо раскол. После этого посещать их собрания я перестал.

@

В конце лета в мою жизнь пришла Ирина. Яркая модель

чего-то там. И мозги на месте, а не только ноги от ушей. У меня до нее не было никакого опыта общения с моделями, да еще с умными, да еще на бухгалтерских курсах.

Поэтому, когда после курса мы вместе шли к метро, и она пыталась намекнуть, что время есть и можно не спешить разбежаться, я заявил, что срочно еду в рыболовный магазин покупать туристические коврики. И мне сейчас не до нее. А вообще-то я просто хотел зарплату довести до дома.

Я уже и забыл о ней, когда она вдруг неожиданно пришла на консультацию. Оказывается, что за это время она успела распрощаться с рекламной стезей и сейчас бухгалтерствует себе в небольшой строительной фирме. Соответственно, я стал ей как бы нужен. В общем, стали встречаться беса тешить.

К Ирине обычно приходили поздно вечером, поскольку и у меня были вечерние занятия, и она училась в вечернем институте рядом, а утром разбегались. Пока Ирина готовила ужин, я стирал свои трусы и носки в раковине. Это чтобы назавтра на утренних занятиях хоть что-то было совсем чистым. Для повышения уверенности в себе.

– Ты как енот-полоскун.

Стыдно признаться, но я почему-то ничего не знал тогда про подобных енотов, для меня енот был вообще не более, чем будущая шапка или воротник. Поэтому воспринимал как издевку:

– На себя посмотри, спринтер с препятствиями.

Во время секса она требовала от меня двигаться как можно быстрее. Сама была высокая, стройная и молодая, а я, как уже не раз упоминалось, был не первой свежести и достаточно тяжел. И вообще я не люблю быстро ни есть, ни работать, ни чего другое. Результат вроде есть, а процесса как будто не было. Это как вместо полива каждого кустика отдельно вылить сразу все ведро на клумбу, чтобы с глаз долой – из сердца вон.

И вообще, нет того, чтобы самой постирать, еще иронизирует, лахудра. Это на первый взгляд красивая модель, а женственности кот наплакал, какая-то почти никакая, так сказать, комнатной температуры. Целоваться не любит, сперму в рот не любит, в попу отказывается, сиськи почти не чувствительные. Вся радость у нее между ног, разве что сами ноги от ушей. Модель, что тут говорить.

Если бы еще лежала на ней, да еще сдвинув под собой ее модельные ножки, а то ведь стоя ей нравится больше. Да еще встанет не к кровати, а к подоконнику, а ростом почти с меня, чтобы войти до конца приходится почти что на цыпочки вставать.

Особенно остро это почувствовалось на рыбалке. Конечно, было весьма лестно спускаться с ней к воде купаться. Окрестный народ во все глаза тарачился на неизвестно откуда взявшуюся модель с обложки глянцевого журнала или даже ковровой дорожки.

Но если бы они знали, как неохота ее сейчас, когда после

шашлыка и коньяка полежать бы у костра, о вечном подумать, так нет же, работай, выполняй свои мужские обязанности с повышенной скоростью. А что делать, если она уже уперлась руками в дерево, и выгнулась ко мне дугой.

– На.

– Давай.

Я обреченно задвигался в ней и думал только об одном – скорее бы все кончилось. Но вот, наконец, она повернула ко мне голову:

– Я все. Ты будешь?

– Нет, можно я завтра?

– Можно.

Я облегченно вышел из нее и перевел дыхание. Потом мы оделись и расположились у костра. Она свернулась калачиком на коврик под моей зимней курткой и сладко засопела. Некоторое время я смотрел на звезды, огонь и бутылку с коньяком, а затем тоже видимо заснул. Очнулся от резкого зашкаливающего звона колокольчика.

– Вау, это у нас!!!

Резкий прыжок в темноту, кубарем скатываюсь с обрыва, на ходу доставая из кармана фонарь. Какая же из них? Так, эта на месте, следующая вроде тоже, но на ней нет колокольчика. Эта она.

Взгляд застыл на кончике донки. И резкий рывок. Донка завихлялась катушкой к воде. Но поздно, я вцепился в нее мертвой хваткой и сделал длинную протяжную подсечку.

Есть! Что-то явно живое, тяжелое и большое. Думаю, что мотать ее вдоль берега в глухой темени не резон и просто таску на себя. Тяжело, но поддается.

Наконец вода у берега забурлила и показалась чуносая морда. Да, это она, та самая стерлядь, о которой я прожужжал окружающим, в том числе Ирине, все уши. Резко вытаскиваю ее на берег. На камнях она, естественно застревает и слетает с крючка. Но хрен ты угадала, голубушка. Пинком отталкиваю ее от берега подальше. Лежит, шевелит жабрами и слегка хвостом, но не сопротивляется. Это вам не щука или сом.

Все, я доказал свою рыболовную состоятельность, теперь Ирина готова будет ездить со мной на рыбалку в любое время. Такую рыбу на рынке не увидишь. Обычно там стерляди мелкие, а тут мечта поэта. И теперь даже готова смириться с моей неактивностью в полевых условиях.

Днем Ирина пошла к берегу чистить рыбу. Я же, глотнув еще коньяка, под воздействием переживаний улегся под куст и на солнышке закимарил. Когда проснулся, то тени от кустов удлиннились, и сам я лежал уже в глубокой тени. Ирины не было ни рядом, ни в обозримых окрестностях. Твою мать, да и только. Куда ее черти унесли? Поднялся и подошел к обрыву. Ирина все также сидела на корточках над водой и чистила рыбу.

Поскольку со стерлядью я управился сам, то ей досталось всего-то восемь штук подлещиков, там работы не спеша ми-

нут на десять. Еще бы она претендовала на замужество, нужна мне такая, как корове седло. Да, конечно, с ее-то модельной внешностью с ней не стыдно куда-то пойти. Но вот жить постоянно под одной крышей с такой капухой – это выше моих сил.

Странное сочетание, способность к взрывному принятию решений и вот это копание. Сама ведь пришла, как бы на консультацию. Занятия тогда уже закончились, я собирался уходить и вдруг в дверях это явление с подиума.

– Я тут шла, и подумала, а нет проконсультироваться ли мне по бухгалтерскому вопросу.

– Конечно, чего тут думать, только пойдём на улицу.

Погуляли, посидели на скамейке в парке, поцеловались, она и говорит, просто как три копейки:

– Давай поедём к тебе.

– Ехать долго. Или бешеной собаке сто верст не крюк?

– Не крюк, не крюк.

Когда первый кайф близости был получен, и мы лежали, набираясь сил для продолжения, она философски заметила:

– Так долго ехали, и все ради минутного удовольствия.

– Ну и что, – возразил я, – Без этой минуты давило бы на уши. Так что не выпендривайся, если выбора нет.

Поскольку в ответ я получил море негодования, то пришлось смягчить впечатление и добавить:

– Хорошо, хорошо, выбор есть, с твоей-то внешностью.

Но если ты уж его сделала, добровольно причём, никто не за-

ставлял, так и тяни ляжку безропотно. Подобно золушке.

А сейчас вот как в сонном царстве. Но когда мы собрались и подались к дому, она опять поменялась. Я нес все вещи, а она порхала вокруг и собирала букет. Чуть золотистые длинные волосы распустила и они переливались на закатном солнце. Ведьма, соблазн, сосуд греха, инквизиторы сожгли бы такую без всяких дознаний.

Дома я быстро засолил подлещиков, а стерлядь мы просто зажарили на сковородке. Вкусно, сил нет. Потом, вконец усталые, вымытые и натрескавшиеся, свалились на кровать.

Вот бы глаза закрыть и заснуть. Но нет, проснулись желания, сну противоположные. Тем более, что лежали голые. Я потрогал рукой мягкий пушистик, потеревил языком сосок, а затем тихонечко переполз на нее. Она раздвинула длинные модельные ножки, согнула в коленях и обняла меня за спину.

Я же протянул руку между нами, немного подвигал головкой по губкам, а потом нашел ее вход и чуть надавил. Там было мягко, влажно и горячо. Жареная стерлядь, что ли, так на обоих подействовала? Когда все кончилось, и мы успокаивали колотящиеся сердца и сбившееся дыхание, она наконец-то спросила?

– Чего это ты вдруг?

А что я мог ответить, кроме как:

– Нечего быть такой красивой и соблазнительной.

Как-то вышли с ней гулять ближе к полуночи.

– А что там?

– Поле, а потом кладбище и лес.

– Пойдем на кладбище.

– Зачем? Там сейчас темно, ни пса не видно.

– Пойдем, я хочу.

– Ну пойдем.

Темно, огни города остались позади, кое-где огни были на горизонте, но нам они не помощники. Хорошо хоть сухо, а тропу я знаю, поскольку она ведет через поле мимо кладбища на пруды.

Дошли, действительно ничего интересного. Это же не католическое или лютеранское кладбище, и даже не наше выставочное, а обыкновенное, для таких как я.

– А нет ли другой дороги?

– Есть, дальше по тропе через лес, выйдем на асфальт и потом на станцию.

– Пойдем.

– Ириночка, ведь тропа через лес, кусты там всякие, еще заблудимся в темноте.

– Пойдем.

В общем, когда вконец усталые часа через три подошли к дому, то без двух портвейнов я обойтись отказался. А ей все божья роса. Даже по дороге несколько раз говорила, что надо ужа поймать покрупнее и съесть.

Как ни странно, но у этой модели была собака, померанцевый шпиц Потап, рыженький такой, пушистый и мелкий, меньше кошки. В общем и целом, померанцы молчаливые,

ну по крайней мере не тьявкали. Вокруг их много, почти как лабрадоров, так что объекты для наблюдений и выводов имеются.

Только к самому Потапу это отношения не имеет. Потому что, как только Потапа выпускают во двор, он сразу же заливается звонким лаем. Он лает на все – прохожих, машины, деревья, небо, асфальт. Он так самовыражается, ему объект не нужен, лишь бы на улицу выпустили. Он лает бесконечно, пока домой не загонят. Он наполняет собой весь двор и окрестности.

Однажды с ним казус случился. Когда он гулял, и как всегда заливался лаем на окрестности, а мы смотрели в окно и проникались событием, вдруг пошел сильный град. Градины, величиной с картечину, застучали по асфальту. Потап резко замолк. Ирина забеспокоилась и побежала искать.

Нашла быстро. Она несла Потапа, который с закатившимися к небу глазами обвисал на ее руках, как кусок тряпки. Обвисали, причем, не только лапы и хвост, но и вся мордель, и отдельно уши, и даже, что было наиболее непривычным, язык. Контузило. В этот день и еще несколько дней она его на улицу не отпускала. А потом он, как ни в чем не бывало, опять залиvisto тьявкал на окружающий мир. Зажило, что называется, как на собаке.

Технически отдаление началось, видимо, с того, что Ирина стала говорить о том, что в моем возрасте пора уже стать солиднее, вести себя соответственно, и в особенности при-

кид поменять. Плевать на нее, но это совпало с тем неуловимым ощущением, что что-то начинает меняться.

Я помню, как наотрез отказался знакомиться с ее родителями, как вдруг стало угнетать ночевать у нее, а не у меня. То есть надо ехать куда-то, а потом откуда-то, что это в прошлом было нормально, но сейчас такого быть не должно. Как появилось ощущение неопределенности состояния, с одной стороны полон сил и жажды деятельности, а с другой как будто все уже позади.

Вскоре мы с ней расстались. Правда, это произошло не из-за моей тоски, а совсем по другому поводу. Но это именно был повод. Причина же проста и обычна. Мы просто друг друга не любили. Некоторое время было интересно взаимное узнавание, а потом оно перешло в привычку.

Ее модельная внешность и мой повышенный интеллект в сочетании с преподавательской деятельностью себя исчерпали, а чувств не появилось. Все как всегда. В ту ночь мы уже легли и привычно протянули руки друг другу между ног, как вдруг она вскочила:

– Слушай, еще один бухгалтерский вопрос. А как вот...

Мое желание мгновенно погасло.

– Совсем охренела, в такой момент. Иди ты со своими вопросами.

Я демонстративно подвинулся на самый край кровати, чтобы ее не касаться, и отвернулся. Утром она попыталась прилечь, но у меня уже не было никакого желания. Я встал,

собрался и ушел. Вечером позвонил:

– Мне кажется, наши отношения зашли в тупик.

– Да, я тоже так думаю, давай временно прекратим наши встречи.

– Временно это на сколько?

– Ну, не знаю, как пойдет.

– Давай.

Больше мы не встречались.

Осень

Наступил сентябрь, начался учебный год. Итак, колледж. Сесть за парту в моем возрасте не самое удачное в жизни решение. Преподаватели должны быть выше меня на порядок, а где таких взять? Тем более постепенно обнаружилось, что колледж просто так назывался, на самом же деле представляя собой курсы начинающих миссионеров при американской христианской миссии.

А еще вставать с рассветом, ведь занятия начинаются с половины десятого, а с девяти так называемое «прославление». Мы все собираемся, поем «духовные песни» и слушаем проповедь. Это обязательно, считается, что так совершенствуется духовная составляющая личности. По существу, то же самое, что линейка в пионерлагере или развод в армии.

Недели две были просто лекции на общие богословские или скорее даже общеорганизационные темы. А вот затем начались мытарства, так называемая «евангелизация». Надо было приставать к людям у метро или просто на улице с дурацкими вопросами, вроде:

– Знаете ли вы, что Господь любит вас и у Него есть прекрасный замысел относительно вашей жизни?

Причем надо было достать человека до такой степени, чтобы он вместе со мной повторил некий текст, который в колледже назывался молитвой. Это действительно было

испытанием – пока я не сообразил, что ситуация похожа на компьютерную игру. И стал играть. Сразу же все начало получаться, и нравственные страдания закончились.

Потом был так называемый «евангельский проект». Студенты были поделены на группы и отправлены нести Слово Божье до края земли. На практике это обстояло следующим образом. Местная церковь, в которой пастором был, как правило, выпускник колледжа, приглашала нас к себе.

В переводе на канцелярский, подавала заявку. Американцы давали деньги, на месте нас размещали в какой-нибудь гостинице, и мы приставали ко всем встречным с предложением прочесть с нами молитву и приходить в церковь на богослужения.

После завтрака мы пели религиозные песни, читали и обсуждали тексты из Библии, молились, потом парами расходились по окрестностям, потом обед, потом снова пели песни, молились и расходились по окрестностям, потом ужинали, обсуждали успехи дня, молились и спать. И так почти месяц. Заключительным же аккордом был бесплатный показ в одном из кинотеатров фильма «Иисус». Тогда мы уже приставали ко всем не вообще, а звали на фильм.

Единственным плюсом была возможность выступить с проповедью в местной церкви. Чем я и воспользовался, что называется, хоть шерсти клок.

Братья и сестры!

Для чего мы живем?

И сотворил Бог человека по образу Своему, мужчину и женщину сотворил их. И сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте.

Плодитесь и размножайтесь – это средство, а цель – наполняйте и владычествуйте. Прекрасно получается – и размножились, и наполнили, и владычествуем. И уже можем даже уничтожить – достаточно собрать все бомбы и ракеты в одно место и взорвать. Может, сама планета и уцелеет, но всему живому точно придет конец.

Однако это в целом. А каждый конкретный человек ищет своего. Чего? Поиметь всего как можно больше. Полноты ощущений и самореализации. Есть даже некая формула достижений – посадить дерево, построить дом и вырастить сына, и тогда его жизнь прожита не напрасно. Только потом сын выгонит отца, срубит дерево и продаст дом.

Не зря говорят, что если хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Ведь помимо земли, которой надо владычествовать, Бог дал еще и время. Жизнь коротка и все мирские соблазны в ней преходящи и непостоянны. После веселого застолья наступает похмелье, после сексуальных утех пустота и разочарование.

Если философия определяет время как порядок и длительность сменяющих друг друга событий, то Библия ставит вопрос по-иному. Время – это не присущий миру процесс и не кругооборот, в котором все повторяется и «прихо-

дит на круги своя». Это нечто данное Богом и направляемое к определенной цели.

Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро.

Как выразился классик, человек не просто смертен, а внешне смертен. И псалмопевец прекрасно об этом сказал:

Дни человека – как трава; как цвет полевой, пройдет над ним ветер, и нет его.

Без Бога наша жизнь бессмысленна и никчемна.

Так может и совсем жить не надо?

Надо, потому что Бог дал нам тело, чувства, эмоции, способности и имущество не в собственность, а в управление. И Он записывает в книгу жизни все дни человека и определяет содержание каждого дня. В гордыне ли этот день прожит или в смирении, во грехе или в праведности.

Да, все вместе мы властвуем над землей, а каждый в отдельности над собой. Но при этом владычество наше ограничивается временем жизни, а значит, оно не беспредельное.

Собственность – это совокупность прав и возможностей владения, пользования и распоряжения. Владение – это мое. Пользование – я могу это использовать. Распоряжения – могу продать, подарить, сломать и прочее.

На все воля Божья. Если время умереть человеку не пришло, то он не умрет ни на рельсах, ни в воде, ни в огне.

Как раз об этом говорит народная мудрость: «Кому суждено сгореть, тот не утонет». А если жизнь прервалась,неважно каким способом, значит время пришло. Хотеть-то мы можем, но совсем не значит, что получим, а если и получим, то не факт, что именно то, чего хотим. Так что вот так – дал нам Бог жизнь, мы и живем.

Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего.

Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь.

При этом не надо забывать, что похоть – это всего лишь сильное желание. И просто предаваясь похоти, чем человек отличается от свиньи, хрюкающей от удовольствия в теплой луже рядом с кормушкой. Но даже знание, даже мудрость и творчество без Бога не более чем суета.

В итоге человек попадает в плен своих страстей, желаний и привычек. Пристрастие к алкоголю, построение карьеры, умножение имущества, желание сплетничать на кухне – все это по сути одинаковое предавание похоти.

Апостол Павел предупреждает нас:

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые. Дорожка временем, потому что дни лукавы.

Так для чего же Бог дал нам время? У Него есть план для каждого из нас. И Он хочет, чтобы мы сами по доброй воле

пришли к Нему.

Мы не знаем, когда этот день настанет. Поэтому нужно спешить, чтобы не опоздать. День покаяния для нас – сегодня и сейчас. И любой день может стать Днем Господним, когда Бог придет и призовет к ответу. Что же тогда делать? А то, что говорил Иисус:

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

Купил в магазине штаны. Дома померил, мечта поэта, всегда хотел в таких ходить. А если намокнут, загрязнятся, если постираю – то как же я буду без этих штанов. Вот, беспокойство мешает жить. Пошел, купил еще такие же. И успокоился. Но это разовое отвлечение. А ведь такая суета присутствует постоянно. Где уж там плоды духа приносить, если одна суета.

В бане, в парной, мы можно сказать прославляем Бога через тело. А о чем в парной народ говорит? О машинах, доходах, расходах и друг перед другом хвалятся.

А в церкви, перед богослужением или сразу после него, о чем говорят? Все о том же, о суете текущих желаний. Квар-

тиру купили, участок продали, дачу поделили, машину поменяли. Христианские темы в их диалогах и не ночевали. Зачем, спрашивается, в церкви приходят? И ладно еще в православные, там хоть свечки, записки и прочая атрибутика культа. А в протестантские зачем? Потусоваться?

Для верующего все достижения мира не более чем суета, его царство на небесах, а здесь он временный странник. Соответственно и относиться надо ко всему как к временному и не стоящему особых усилий.

Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй.

Как там в молитве афонских старцев: Господи, дай силы преодолеть то, что можно преодолеть, дай стойкость перенести все, что нельзя преодолеть и дай мудрость отличить одно от другого.

Каких же достижений мы должны добиваться в жизни? Да никаких. Пусть язычники туда стремятся. На самом деле человеку надо очень немного. Пища, одежда, крыша над головой и особь противоположного пола для общения и близости. И еще какой-то интерес, какое-то увлечение. А все остальное – суета.

Радуйтесь всегда в Господе; Не заботьтесь ни о чем, ... освящайтесь и будьте святы...

А святость это значит отделенность. Отделенность от мира, от его целей и соблазнов. «В миру – но не от мира» – вот что изначально было движущей идеей христианства.

Но как только мы попадаем в плен привычек или сильных желаний, то сразу же связь с Богом теряется.

Потому что, каковы мысли в душе его, таков и он.

Аминь!

@

После проекта помирился с Олей. Все вернулось на прежний уровень. Пару раз в неделю она приходила и оставалась у меня. Мы трахались, выпивали и ужинали при свечах, потом опять трахались, потом засыпали. А утром, еще полусонные, опять трахались, потом похмелялись, завтракали и разбегались.

Иногда выбирались днем на природу, в смысле на рыбалку, за грибами, на пляж или просто на пикник. Так сказать, вокруг дома с ночевкой.

Как то вечером мы с Олей совершенно пьяные возвращались домой как бы с рыбалки. Как бы – это значит, что удочки мы так из сумки и не достали, а просто наслаждались остатками сезонного тепла, осенним пляжем, алкоголем и друг другом.

Вообще странно идти по самому большому торговому центру в изодранных штанах и без трусов. Что значит, жить рядом. Для кого-то ведь приезд сюда целое мероприятие на весь день, к этому дню готовятся, планируют, прихорашиваются. Да и в самом центре помимо престижных бутиков еще куча ресторанов, салонов красоты и кинозалов.

А тут идет сквозь этот блеск вся такая пара с рыбалки,

оба нетрезвые, перемазанные, исцарапанные, рожи выгоревшие, только глаза и зубы блестят голодным блеском, в мокрых штанах и с трусами в карманах. А из сумки, если проявить воображение, почти живой рыбий хвост торчит, так сказать, свежепойманный.

Чем идти в обход торгового центра по забитой машинами улице, лучше идти через центр, где работает кондиционер и можно тайком от спутницы разглядывать красивых девушек. И на случай претензий охраны есть оправдание. Когда торгового центра не было, здесь был пустырь. А через пустырь шла замечательная тропинка, от пригородной электрички как раз к дому.

Ну и что, что сейчас тропинки нет, так сапоги дорогу сами знают. Направление ведь осталось, это самое главное, тем более тропинка была. Не было тропинки? И даже пустыря не было? Не может быть. А хоть бы даже и не было. Главное, что есть оправдание.

Еще когда я в этот район перебрался, мы естественно ходили гулять по окрестностям. Дорожка шла по берегу речки, вдоль берега были останки брошенных огородов, и стоял небольшой симпатичный домик. Он стоял на берегу у самой воды, никому не мешал. Неизвестно, откуда он появился, но поскольку действительно не мешал, всеми принимался за сторожку или метеостанцию. Или что-то коммунальное.

Проблемы начались, когда в домике закипела работа по перестройке. Домик обнесли забором. Оно бы и ничего,

только в огороженную часть был включен и кусок дорожки. Пройти вдоль речки стало проблематичным. В разные инстанции посыпались жалобы. Тут-то и обнаружилось, что этот домик принадлежит какому-то не то калмыку, не то тунгусу, и живет он здесь уже лет сто. Что интересно, и все бумаги оказались в порядке. Шаманская мистика.

Во время судебного разбирательства положение спасло только то, что сохранились данные аэрофотосъемки десятилетней давности. На снимках никакого домика и в проекте не было. Справедливость восторжествовала, сын степей калмык отправился кочевать в свои степи к собрату тунгусу, или наоборот, тунгус к калмыку, домик был снесен, на его месте разбита лужайка для пикников и дорожка восстановлена. А ведь многие поверили, что домик сто лет стоял, так почему бы не поверить, что тропинка была.

В общем идем. Она ничего, а вот я перестарался явно, тем более, что легло на вчерашнее. Метров за сто до дома приложились еще от всей души и меня развезло окончательно. У подъезда стояли в рядок три машины. Причем проход был практически только с одной стороны, но там, у крайней машины была открыта дверь, как раз загораживая проход.

Если бы я был в нормальном виде, то попросил бы закрыть, или даже попытался сам бы закрыть, чтобы владелец на всю оставшуюся жизнь и думать забыл загораживать дорогу. Но в моем скотском состоянии я почему-то этого не сообразил, а попытался протиснуться между соседними маши-

нами. Разумеется, задел за оба зеркала, еще за что-то, включилась сигнализация и из-за открытой двери показался владелец. Он был моложе и значительно крупнее, этакий качок тяжеловес или даже рестлер.

– Что, нельзя было здесь пройти?

– А чего ты дверь раскрыл, хлебало чмошное. И откуда такая плесень берется. Понаехала всякая шваль.

– Ты чего гонишь?

Он подался вперед. Но я поставил сумку на землю и двинулся навстречу. Скорее всего, даже не двинулся, а собрался двинуться, поскольку попытка ударить качка ни к чему не привела, я промахнулся. Это насколько же я должен был быть ухрюканным, чтобы промахнуться в такую здоровую мишень. Более того, оступился и плюхнулся на пятую точку.

Если бы напротив был готовый к схватке боец, то мне бы тут же и конец пришел, но то ли он не был тренирован, то ли слишком все было неожиданным. Поэтому, проклиная на весь свет возраст и алкоголь, я кое-как сумел подняться и качнуться к двери в подъезд. В дверь тоже промахнулся, зато прижался спиной к стене.

Мой случайный противник тем временем справился с волнением и попытался наброситься на меня, но было уже поздно. Стена не давала упасть, а руки заработали рефлексивно как на тренажере. Я просто отбивал его удары.

Сам тоже пытался ударить навстречу, точнее выставлял кулак в форме «копыто дьявола» на его пути. Несколько раз

тот по роже словил, в смысле наткнулся, но я не мог сконцентрироваться, поэтому отделался он синяками.

Собратся бы и вломить хоть разок. Тем более, что ситуация для меня ведь более чем удачная, практически все происходит на пяточке, он больше меня и нападает. Поймать навстречу – это вообще мой конек, моя коронка. Но туман от алкоголя застилает обзор, ноги не держат и тело напоминает мешок с кишками. Надо же так упиться.

В конечном итоге, видимо осознав всю бесперспективность дальнейшей активности, или достаточно нацепляв встречных тычков, он отодвинулся к своей машине и стал звонить по телефону. Уж не знаю кому, может друзьям или в полицию.

Поскольку я держался вертикально скорее усилием воли, чем естественно, то это было шансом выйти из ситуации без потерь. Кое-как достал из кармана ключи и открыл дверь.

Что в это все время делала Оля, я даже не знаю. Но видимо подобрала сумку и дожидалась развития событий, поскольку она тут же протиснулась в дверь вслед за мной. Дверь захлопнулась, временно все.

Быстрее домой, надо срочно отойти от алкоголя и переживаний. Но дома все сразу же отошло на задний план. Разделись, швырнули вещи в угол, глотнули еще и обнявшись заснули.

Утром я себя внимательно осмотрел. Ни синяка, ни ссадины. Что же было бы с тем гадом, если бы не моя стадия

опьянения. Хотя, с другой стороны, возможно включился бы тормоз психики, и ничего вообще бы не произошло. Ведь это именно я попытался его сначала ударить, а не он меня. И всякими словами именно я пытался его назвать.

С одной стороны я могу отправить на тот свет щелчком пальцев, а с другой стороны не могу рукой толком пошевелить. И что именно сработает в данный момент только Богу известно. Может быть, действительно меня ангел хранитель оберегает от крайностей.

Долбишь руками и ногами в боксерский мешок или по деревьям и долби себе, а на людях нечего это испытывать. Но и самого тебя в обиду не дадим, в крайнем случае, синяком под глазом отделаешься.

Недели через две мы опять столкнулись у подъезда. Но странное дело, вместо того, чтобы продолжить разборки, молча и одновременно друг другу кивнули, как старые знакомые, и разошлись восвояси, как будто ничего и не было. А владельцы возможно слегка пострадавших машин так и не появились.

@

После возврата с проекта началась собственно учеба. Из Америки приезжали на две недели пасторы и читали лекции. После этих двух недель другие две недели лекции читал кто-то из представителей миссии. Была полная бредятина.

Но первый пастор Джо Ломбарди очень интересно рассказал об иудейском царе Езекии. Его рассказ настолько меня

впечатлил, что проповедь сложилась сразу. Обычно до проповеди допускались второкурсники, но у меня зудело, я выпросился и вот я первый раз за колледжевской кафедрой.

Братья и сестры!

Кто мы, как нам жить, во что нам верить:

Верующий ответ находит в Библии. Там изложены и заповеди, и примеры для подражания. Об одном таком Библейском примере и пойдет речь, примере иудейского царя Езекии.

Иудейское царство располагалось в библейские времена там же, где и сейчас, в Палестине. Обетованная земля, цветущий сад, плодородный полумесяц, всегда это был желанный кусок для завоевателей. И всегда Создатель оберегал свой избранный народ.

Но только в том случае, если тот чтит Его, исполнял Его законы. Когда же иудеи отворачивались в сторону язычества, Господь также отворачивался от них. Так было и в описываемое время.

Иудейские цари один за другим распространяли языческие культы, забывая Единого Бога. И царство приходило в упадок. В разбираемый момент времени царь Ахаз стал союзником Ассирии и принял ее культ.

Это все описано не в одном из учебников, а в Библии, я просто все популярно и коротко изложил. Когда Ахаз умер, на престол вступил его сын Езекия. Сын не последовал по пути отца. Напротив, он вернул Иудее Бога Авраама,

Исаака, Иакова.

Но изгнать чужеродный культ означало разрыв с Ассирией. К тому времени это была уже могучая империя, создавшая, в том числе, первую в мировой истории профессиональную армию. Потом это были спартанцы, тамплиеры и самураи. Но первыми были ассирийцы. Вот что пишет о них библейский пророк Исайя:

...пошлю народ гордый... Легко и быстро придет. Не будет у него ни усталого, ни изнемогающего; ни один не задремлет, и не заснет, и не снимется пояс с чресл его, и не разорвется ремень у обуви его. Стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его как вихрь; Рев его как рев львицы; заревет, и схватит добычу, и унесет, и никто не отнимет.

Пирамиды отрубленных голов – это тоже ассирийское изобретение. Неординарным человеком был Езекия, раз решился выступить против. Тем не менее, он решился. Отказавшись от союза, он стал готовиться к войне.

Но слишком неравными были силы. Ассирийцы быстро оказались под стенами Иерусалима. Ассирийский царь Синнахирим прислал в Иерусалим послов. В присутствии всего народа посол обратился к царю Езекии:

– Тебе конец. Может, ты надеешься на своего бога. Но разве не по воле богов Ассирия правит миром. Сдавайся.

– Нет – ответил Езекия.

Послы ушли, ворота закрылись. Остался народ, объятый

страхом и защитники, готовые к штурму. Шансов на победу нет, завтра они уйдут к Создателю.

Представьте себе современный маленький мирный уездный городок, окруженный танками. Их орудия нацелены на ваши дома. В танках профессионалы, прошедшие все горячие точки. И командует ими прославленный боевой генерал. Что вы можете им противопоставить?

Может быть, какой-то танк свалится в реку, какой-то натолкнется на цистерну с бензином, какой-то наедет на силовую кабель, на какой-то рухнет здание. Но все равно, со всеми справиться не удастся. И к вечеру живые будут завидовать мертвым.

И тогда Езекия вышел на центральную площадь Иерусалима, преклонил колени и обратился к Господу в молитве:

– Я сделал все, что мог, и большее не в моей власти. Да будет на все воля Твоя.

Всю ночь в Иерусалиме никто не спал, все готовились к штурму. Но на рассвете штурма не было. Когда рассеялся утренний туман, со стен Иерусалима были видны только пыль удаляющейся армии и огромное количество трупов вдоль стены. Ночью ангел Господень сошел на землю и умертвил сто восемьдесят пять тысяч лучших ассирийских бойцов. По существу весь цвет нации.

У Синнахирима остались только вспомогательные войска, ударной же силы уже не было. Остатки ассирийцев срочно свернулись и ушли. Езекия одержал полную победу.

Четыре утра, светает. Сейчас рассеется туман и город будет как на ладони. И тогда прорычит боевой генерал слова команды, и взревет двигатели, и полыхнут огнем танковые орудия, и содрогнется земля. И так будет какое-то время. А затем снова команда, и смолкнет залповый огонь орудий. И тогда рванутся вперед железные динозавры и станут давить гусеницами все, что еще шевелится.

Представьте себе скованные страхом сердца большинства жителей города. Только несколько сотен одетых в камуфляж фигур на центральной площади. Это те, кто предпочел умереть в бою с оружием в руках, защищая свой дом. Их оружие – это все, что было в комендатуре, у карающих органов и в бандитских закромах.

Этого явно недостаточно для борьбы с регулярной армией. Но боевой дух сильнее оружия, и перед ними их лидер. Может это мэр, может военный комиссар, может отставной полковник, может даже глава местных коммунистов, криминальный авторитет или священник. Он говорит последние слова, которые подобно камням ложатся на сердца защитников.

– Это наша последняя битва. Пусть каждый из вас уничтожит по десять вражеских танков. Поклянемся же умереть как герои.

– Клянемся, – рявкнула площадь.

– Клянемся, – отразилось эхо от стен.

– Помолимся.

Серо-зеленый квадрат преклонил колени и уткнул приклады автоматов в землю. А командир говорил простые слова молитвы:

– Господи, укрепи наше тело и дух. Пусть этот день станет проклятьем для наших врагов. Прими нас к Себе.

– По местам.

Серый квадрат растекся по улицам и переулкам. Бойцы заняли свои места на рубеже обороны.

И вот взревели танковые двигатели. Команда:

– Огонь.

Но некому исполнить. В экипажах танков остались одни механики, остальные члены экипажей мертвы. Генерал мрачно оглядел застывшие боевые машины, до сих пор не знавшие поражений. Оживить их мощь некому, без экипажей это металлолом.

– Небо против нас. Уходим.

А сквозь зубы процедил:

– Ничего, еще вернемся.

Не вернется, как не вернулся ассирийский царь, зарезанный во сне собственными сыновьями. Танки медленно стали отходить назад. Вот они вытянулись в несколько железных потоков, вот потоки слились в длинную колонну, вот колонна растаяла за горизонтом. Осталось облако оседающей пыли.

А теперь выводы:

Что же мы можем извлечь для себя из этой истории? Да,

все в руках Господа, в том числе и спасение от всех напастей и тем более вечная жизнь. Но вот каким человек приходит к Богу зависит от человека. Ведь Бог не пашет землю и не сеет пшеницу. В Его власти дать ей вырасти или не дать, но пашет и сеет сам человек. Бог создал нас по Своему образу и подобию, а значит, творцами. Поэтому мы сами творим свою жизнь, свою судьбу. Мы ответственны за свои поступки.

Но всегда мы можем в молитве обратиться к Господу за помощью. Так же, как это сделал Езекия. Сделай сам все, что в твоих силах, попроси у Господа помощи и прими от Господа результат.

Аминь!

@

Я сразу стал знаменитым. Но как это реализовать? В миссии базировалась редакция журнала «Евангелие за колючей проволокой». Обращаюсь туда – не нужна ли рабочая сила, верующий и с журналистским опытом. В принципе нужна, попробуйте написать, скажем, о последнем времени.

Написал:

Дорогой брат!

Если философия определяет время как порядок и длительность сменяющих друг друга событий, то Библия ставит вопрос по-иному. Время – это не присущий миру процесс и не кругооборот, в котором все повторяется и «приходит на круги своя». Это нечто данное Богом и направляемое

к определенной цели.

Данная же цель лежит совсем не в мирской сфере. Это люди уже сами себе придумали поговорку: человек должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына, и тогда его жизнь прожита не напрасно. Но как часто выросший сын выгоняет отца, срубает дерево и продает дом. В Евангелии от Луки в притче о безумии богатого так и сказано:

Но Бог сказал ему: безумный! В сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?

Как часто мы забываем, что Бог дал нам время наряду с телом, способностями и имуществом не в собственность, а в управление. И Он записывает в книгу жизни все дни человека и определяет содержание каждого дня. В гордыне ли этот день прожит или в смирении, во грехе или в праведности.

Жизнь коротка и все мирские соблазны в ней преходящи и непостоянны. После веселого застолья наступает похмелье, после сексуальных утех пустота и разочарование. Без Бога наша жизнь бессмысленна и никчемна. Ведь предаваясь похоти, чем человек отличается от свиньи, хрюкающей от удовольствия в теплой луже рядом с кормушкой. Но даже знание, даже мудрость и творчество без Бога не более чем суэта.

Апостол Павел предупреждает нас:

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые. Дорожка временем, потому что дни лукавы.

Так для чего же Бог дал нам время? У Него есть план для каждого из нас. И Он хочет, чтобы мы сами по доброй воле пришли к Нему. Об этом говорится в Деяниях Апостолов:

Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям повсюду покаяться. Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную.

Мы не знаем, когда этот день настанет. Поэтому нужно спешить, чтобы не опоздать. День покаяния для нас – сегодня и сейчас. Апостол Павел говорит нам:

...Вот теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения.

Обретение спасения и вечной жизни заключается в принятии Христа как Спасителя и Господа. Только жизнь во Христе имеет смысл и цель.

Дорогой брат! Если ты еще не сделал свой выбор или даже не задумался об этом, то поспеши. Потому что любой день может стать Днем Господним, когда Бог придет и призовет к ответу:

Ибо возмездие за грех – смерть, а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.

Аминь!

Редакторша – потасканная тетка, явно сама побывавшая в местах не столь отдаленных, некоторое время размышляла:

– Вообще-то, надо знать не столько предмет, сколько контингент читателей.

На что я возразил:

– Вообще-то этот журнал я несколько раз видел в церквях, нет там никакого «особенного контингента».

– Почитайте письма.

Беру с ее стола одно наугад, читаю:

– В тюрьме я уверовал, пришлите кусок мыла.

Просмотрел еще несколько – примерно того же содержания.

– Ну и что, понятно, что не с курорта пишут, вопрос ведь в другом – хорошо я написал или плохо, будете печатать или нет, и почему. Вы можете составить рецензию, хотя бы пару фраз, только по существу?

Нет, не может.

– Так может вы просто пристроились к американской миссии и боитесь конкуренции?

На этом, после обмена эмоциями, разговор закончился.

Еще я попробовался на христианское радио. В том же здании. Просто пришла оттуда на утреннее прославление тетка, рассказала о нем и пригласила всех желающих выступать на радио с проповедями. Пришел только я один. Усадили за пульт перед микрофоном.

– Готовы? Запись пошла.

И я начал:

Братья и сестры!

Зададимся риторическим вопросом: что хочет от нас Бог? Конечно же, исполнения Его заповедей, конечно же, выполнения великого поручения, конечно же, заботы о церкви.

Но прежде выполнения Бог хочет, чтобы мы этому научились. Христос говорит: ...*Научитесь у Меня...*

Мы христиане являемся учениками Христа и должны следовать Его заветам. Апостол Павел сказал по этому поводу:

Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте – и Бог мира будет с вами.

Обратим внимание на последовательность. Исполняйте то, чему научились. Нельзя исполнить того, чего не знаешь, не изучил. То есть конечно же можно, только это будет не правильное исполнение. Либо исполнение хоть и правильное, но не осознанное, подобно ослице Валаама. Поэтому вопрос о предварительном изучении является актуальным и своевременным. В Ветхом Завете лучше всего говорится об этом в книге Ездры:

Потому что Ездра расположил сердце свое к тому, чтобы изучать закон Господень, и исполнять его, и учить в Израиле закону и правде.

В этом стихе ясно указана последовательность: изучать – исполнять – учить. Нельзя учить, прежде чем сам не научился исполнять. Нельзя исполнить того, чего не знаешь.

Если это принимается, то встает вопрос: собственно чему и как учиться? Апостол Павел отвечает на этот вопрос:

Вникай в себя и в учение...

Направление ясно, остается разобраться, что есть «вникать в себя» и что «вникать в учение». Этим далее и займемся. Начнем с «себя».

Конечно же, ответ следует искать в Священном Писании. Наиболее точно он сформулирован в двух следующих стихах:

Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды.

Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши.

Исходя из этих стихов, можно сказать, что «вникать в себя» означает не что иное, как исповедание греха, покаяние и доверие Богу. Об этом апостол Павел и говорит:

Испытывайте самих себя, в вере ли вы: самих себя исследуйте.

Вникая в себя, мы спрашиваем – а не являются ли наши мысли и поступки греховными. Мы приносим плод покаяния и поручаем Господу свое отношение к данному греху. И так всю жизнь, каждую мысль и каждый поступок.

В богословии используется термин «духовное дыхание». Выдох – исповедание греха и покаяние. Вдох – поручение этой части жизни Христу. И так всю жизнь, эпизод за эпизодом. Пока вся полнота Святого Духа не будет в нас.

А теперь обратимся ко второй части исследуемого стиха, то есть «вникай в учение». В какое такое учение нам следует вникать. Прибегнем к разъяснению апостола Павла и вслед за Тимофеем прочтем:

При том же ты из детства знаешь священные писания,

которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения...

Итак, вникать в учение означает изучать Писание. Процесс этот, как мы понимаем, длиною в жизнь. Но как минимум нужно стремиться к тому, чтобы в тексте не оставалось непонятных слов и выражений. Здесь важно понимать, что до конца Писание не раскрыто. К примеру, непознанными остаются откровения Иоанна и пророчества Даниила. Многие места Библии вызывают значительные разногласия при богословском толковании. Да и вообще, сколько толкователей, столько и мнений.

Апостол Павел говорит, что это в общем-то нормальное явление:

Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло.

В Ветхом Завете данный вопрос решен еще более категорично:

Сокрытое принадлежит Господу Богу нашему, а открытое нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего.

Другими словами, не все дано нам познать. Но то, что дано, познавать необходимо, ибо на то воля Божья.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что вникать в себя и в учение это как бы две стороны одной медали. Знания без Бога, сами по себе, не более чем

суета. Об этом говорится в книге Екклесиаста. Вера же без дел мертва. Об этом говорится в послании апостола Иакова. Поэтому ни тем, ни другим пренебрегать нельзя.

Но нужно понимать разницу. Вникать в себя – процесс сугубо личный, индивидуальный. Человек раскрывает свой внутренний мир перед Богом, и научить этому нельзя. Хотя покаяние и практикуется приносить публично, но ему предшествует личное покаяние, когда только ты и Бог.

Помочь в этом человеку можно разве что созданием определенной духовной атмосферы. Именно поэтому необходимо регулярно посещать богослужение, по возможности активно участвуя в молитве и прославлении. Здесь особенно важно, чтобы новообращенный видел перед собой пример духовности.

Ситуация же с «вниканием в учение» прямо противоположная. Здесь важно использовать как богословие, так и науку и философию. В Библии очень много мест, понимание которых без соответствующего образования просто невозможно. То есть процесс вникания в учение публичный и формальный. Происходит передача знаний от учителя к ученику.

Издавна восточные философские и религиозные школы делились на так называемые внутренние и внешние. Во внутренних школах приоритет отдавался духовной составляющей, а во внешних – знаниям. Но результат обучения при прочих равных был один и тот же. Потому что главным в обу-

чении всегда была личность учителя. Это был носитель соответствующего дара, непререкаемый для учеников авторитет. Собственно таким был Христос.

В наше время таким же учителем является церковь. Я подчеркиваю, не конкретно отдельно взятая личность, а церковь в целом. Уже внутри церкви роли ее членов распределяются в соответствии с дарованиями.

Церковь учится у Христа, постигая все открытое. Внутри церкви братья и сестры учатся друг у друга и все вместе – у Христа. Именно такую структуру ученичества завещал нам Господь. И это одно из приоритетных направлений внимания церкви. Потому что вникать в себя и в учение повелел нам Господь.

Аминь!

Да, волновался, но все получилось. Тем более, что техника подмодулировала голос и он стал проникновенным и мудрым. Все вроде хорошо, только дальше опять не пошло. Спрашиваю:

– Почему никаких движений нет?

И в ответ получаю:

– Это была запись для архива, на всякий случай.

Еще на нашем этаже располагалась редакция баптистского журнала «Братский вестник». Обращаюсь туда:

– Хочу поместить к вам проповедь.

– Проповедь? – протянул маститый редактор, с бандеровским выражением лица, как у многих баптистов, – вон вы ку-

да замахнулись, ладно бы заметку о жизни поместной церкви.

– Нет, кто когда принял крещение или построил новое здание или старое отремонтировал писать есть кому. А вот проповеди у вас в журнале откровенно слабые. Я хочу начать исправлять ситуацию.

– Ну хорошо, попробуйте.

К этому времени я уже убедился в окружающей серости, а самостоятельное изучение, помноженное на образование, опыт и личные качества позволили перейти от текстов на злобу дня к системному богословию.

На следующий день отдаю напечатанный текст.

Братья и сестры!

Что такое закон:

Это обязательное правило поведения. Ну или совокупность правил. И законы были всегда.

И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

И само правило поведения сформулировано, то есть диспозиция, и наказание определено, то есть санкция.

А вот всем известная история про Авеля и Каина.

И сказал ему Господь: всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.

То есть уже у Каина была охранная грамота, так называемая печать Каина. Был закон, запрещающий убивать Каина и определяющий наказание за содеянное. Установил правовой ограничитель – всех можно, а Каина нельзя, выражаясь юридическим языком, определено действие правовой нормы по кругу лиц.

А дальше законов стало больше.

Авраам соблюдал законы Мои.

Считается, что Авраам жил в одно время с Вавилонским царем Хаммурапи и законов тогда уже было много. И затем библейское законотворчество понеслось по нарастающей, достигнув пика в десяти заповедях, и во всем Пятикнижии, доведя их количество аж до шестисот тринадцати.

Надо ли законы соблюдать:

Совсем не надо, поскольку они ветхозаветные, или выборочно, или все и буквально? Или только те, которые отражены и в современном законодательстве? Посмотрим, что творится с законодательством в Ветхом Завете. Вот всеми любимые десять заповедей, изложенные в двадцатой главе книги Исход:

Я Господь, Бог твой, да не будет у тебя других богов.

Не делай себе кумира, не поклоняйся им и не служи им

Не произноси имени Господа напрасно.

Помни день субботний; не делай в оный никакого дела.

Почитай отца твоего и мать твою.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай ничего, что у ближнего твоего.

Тот же вариант содержится и в книге Второзаконие. Только там еще важная добавка:

Слова сии Господь написал на двух каменных скрижалях.

Как там развивались события. Моисей ушел за скрижалями, его народ тем временем вылепил золотого тельца. Моисей вернулся, увидел это безобразие, и с горя разбил скрижали. А потом еще раз сходил и еще раз две скрижали получил.

Вроде все хорошо, тексты совпадают. Но что же тогда делать вот с этим текстом, который содержится в тридцать четвертой главе книги Исход:

И сказал Господь Моисею: вытети себе две скрижали каменные, подобные прежним, и Я напишу на сих скрижалях слова, какие были на прежних скрижалях, которые ты разбил...

А далее приводится запечатленный уже на вторых скрижалях текст:

Не вступай в союз с жителями той земли, в которую ты войдешь.

И не бери из дочерей их жен сынам своим.

Не делай себе богов литых.

Праздник опресноков соблюдай:

*Всех первенцев из сынов твоих выкунай;
Шесть дней работай, а в седьмой день покойся.
И праздник седмиц совершай.*

Не изливай крови жертвы Моей на квасное.

Первые плоды земли твоей принеси в дом Господа Бога твоего.

Не вари козлёнка в молоке матери его.

И далее:

И сказал Господь Моисею: напиши слова сии; и написал Моисей на скрижалях слова завета, десятословие. Когда сходил Моисей с горы Синая, две скрижали откровения были в руке у Моисея.

То есть появляется еще пара скрижалей с совершенно иным текстом. Сколько же их было всего? И каким заповедям надо следовать?

Если бы вдруг ковчег завета был найден, то какой именно текст мы прочитали бы на скрижалях? «*Не желай ничего, что у ближнего твоего*», или же «*Не вари козлёнка в молоке матери его*»? Какой из двух?

Может быть, это случайность перевода? Тогда тот еще пример бредятины библейского законотворчества:

Только сих не ешьте из жующих жвачку: верблюда, зайца и тушканчика, потому что, хотя они жуют жвачку, но копыта у них не раздвоены:

В любом школьном учебнике по природоведению написано, что заяц не жует никакой жвачки – это грызун. То есть

полный бардак. Богу приписываются те законы, которые являются бредом сивой кобылы. А еще власть ругаем за топорное законотворчество.

Так может быть в Новом Завете все исправлено:

Чего нам цепляться за ветхую букву? Увы и ах. Там тоже бардак. Женщина легкого поведения, так сказать с пониженной социальной ответственностью, была поймана с поличным, подробности опустим. За это по закону ее нужно было прикончить. И вот об этом спрашивают Иисуса, далее разворачивается интересный диалог:

Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Он сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим. Иисус сказал ей: женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя.

То есть с одной стороны грех имеется и закон тоже есть, надо закон исполнять, с другой стороны исполняйте закон, если совесть позволит, а с третьей стороны я вообще не вижу никакого греха. А что совесть при этом бывает и доброй и порочной, так об этом как-то и не вспомнили. В Библии сказано о совести следующее:

*Мы уверены, что имеем добрую совесть...
...Очистив сердца от порочной совести...*

Через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей...

Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую.

Плюс к этому еще тот факт, что женщины служили Иисусу именем своим, в том числе и собой, поэтому он ее и не осуждает, потому что она с ним в соучастии, так и об этом также ни слова.

Он проходил по городам и селениям, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, и Иоанна, и Сусанна, и многие другие, которые служили Ему именем своим.

Говоря современным языком, присутствует элемент коррупции. Ведь Иисус был Богом наделен властью, даже сам говорил, что:

...дана мне власть на небе и на земле.

Говорят, что Иисус дал новые заповеди: Возлюби Господа Бога твоего и возлюби ближнего твоего, как самого себя.

Считается, что Христос настаивает на соблюдении заповедей по сути, а не по форме. Что закон не свод формальных правил, а духовное отношение.

А раньше разве не так? Как начиналась иудейская молитва в синагоге? Текстом из книги Второзаконие:

Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть;

и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими.

Чем эта заповедь отличается от первой и наибольшей заповеди Христа? НИЧЕМ!!!

И может быть, в пору всеобщей духовности, нет конкретных предписаний? Пожалуйста, пример:

А вступившим в брак повелевает Господь: жене не разводиться с мужем...

Очень конкретное предписание. То есть закон как был, так и остался, как же без закона. Павел говорит, что Христос конец закона, и сам же дает обязательные правила, то есть закон. Если ему следовать, то получается так, что Христос ничего не изменил. Родился, умер, воскрес – да, как вещь в себе. Мелькнул подобно комете – и все. А результатом стало что? А ничего нового, из него сделали очередной культ.

Но ведь грех познается только законом. Нет закона – нет и греха. Как же мы узнаем, грешим мы или нет, если нет закона. И что, раз конец закона так можно красть и убивать?

А если все таки закон есть, и надо его соблюдать, то что именно соблюдать? Вот, например, правила дорожного движения. Закон, обязательный к исполнению. Там все или почти все понятно. А так ли в Библии? Нет, там с пониманием напряженка. Вот примеры законотворчества апостола Павла:

Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее...

А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем.

Когда безапелляционно говорят ветхозаветные пророки: «так говорит Господь», это одно, а когда апостол Павел начинает гадать на кофейной гуще, тут помню, тут не помню, то я говорю, то Господь, то это совсем другое. То, значит, Святым Духом он движим, а следующую строку лепит сам по себе.

Наказание за грех – смерть. Причем ничего не говорится о тяжести греха, за любой грех, за сам факт.

Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем.

Как говорил Христос в знаменитой Нагорной проповеди, если посмотрит с вожделением, то уже прелюбодействует. Вот так весной проводил глазами, ведь вожделение это всего лишь сильное желание, хозяйство привелось в рабочее состояние, и за это тут же соплей подавился и помер.

А бывает что страдают, не нарушая никаких законов. Например, семья Иова, погибшая под рухнувшей крышей ради эксперимента над Иовом, или восемнадцать человек в развалинах башни Силоамской, погибшие просто так, для наглядного примера.

То есть как были правила в Ветхом Завете, так в Новом Завете и остались. И как были противоречия в тексте законов, так и остаются. И духовность закона или отсутствие таковой, как были, так и есть, Христос не дал в этом вопросе

ничего нового. А поэтому можно выразить отношение к библейскому закону в целом – сам текст полезен для изучения и назидания, но пользоваться ими нельзя. Слишком много в них противоречий, чтобы быть руководством к действию.

Так как же к библейскому закону правильно относиться:

Да точно также как и к законам государства. Есть прямой запрет и точная достаточно серьезная санкция – лучше поостеречься. Нет такого, просто декларация – примерить на себя и поступать, как хочешь. И при этом помнить, что как по закону может пострадать невинный, так и нарушитель уйти от ответственности. И все по закону. Соответственно позиция верующего – на все воля Божья. Поэтому следует поступать так, как считаешь нужным.

Но при этом:

Не становись рабом привычки или навязчивой идеи или тем более суетности, которые встают между тобой и Богом – это первая заповедь.

И как хотите, чтобы поступали с вами люди, так поступайте и вы с ними – вторая заповедь.

Вот и все – вся премудрость жизни верующего и во Христе и в обществе.

Аминь!

А затем начинаю ждать. День, два, неделю, декаду, месяц. Когда, наконец, прямо спросил – что не так, то получил такой ответ:

– Я еще не до конца прочитал.

– Две страницы за месяц не прочитать? И такое фуфло еще редактором называется?

После этого я плюнул на все попытки вписаться в информационную среду христианства. Как и во всякой замкнутой структуре, там нужны не умные, а верные. Верным же я могу быть только идее, а не структуре, и тем более личности.

@

Что же тогда делать? Ведь с моим интеллектом на занятиях я откровенно скучал, не слыша ни одного слова из того, чего бы еще не знал. Я видел, что могу успешно преподавать любой из их курсов. Тогда я просто опять стал вести занятия в университете, правда теперь только по вечерам. Тем более что он в самом центре и на одной с колледжем ветке метро.

Во время занятий периодически скатывался с бухгалтерского учета в богословие. Однажды даже несколько перестарался. Когда мне одна ученица сделала справедливое замечание, что вообще-то они на бухгалтерский курс пришли, а не богословский, я, глядя на нее в упор, голосом, как мне показалось, пророка, сказал:

– Кто не хочет слушать евангельские истины – в том бес!

Девушка смутилась и замолчала. Зато после занятий она ждала меня у выхода:

– Это правда, что во мне бес?

– Да что вы, нет никакого беса, это я просто в как бы христианской среде набрался всякой дряни. Не берите в голову, лучше сразу в рот.

Девушка возмутилась такому с ней обращению, но главное было сделано – она отошла от стресса, вызванного моими неосторожными словами. Все-таки надо за собой следить и не болтать лишнего.

@

Однажды, в нормальное субботнее утро философствующего бездельника, то есть ближе к полудню, я выглянул в окно. И от увиденного готов был молиться, петь, скакать от радости и счастья и посылать весь мир трехэтажным матом.

Все дело в том, что уже дней десять погода была совершенно мерзкой. Свинцовые тучи, грязь, дождь и холодный ветер способны были вызвать тоску даже у античного философа стойка или раннехристианского святого. Чего же говорить о простых смертных, вынужденных периодически месить грязь от дома до электрички и обратно.

А вот сегодня было синее-синее небо и яркое солнышко, согревающее не только тело, но и душу аж до кончика хвоста. Что же может быть еще более праздничным? Решение пришло почти мгновенно. В конце концов, или я, или где? Пусть все домашние дела и обязанности провалятся сквозь землю и выпадут в осадок, а я пойду на рыбалку.

Далее как в революционной песне: «Были сборы недолги...». Спиннинг, катушка, садок, коробка с блеснами, стакан. Путь до автобусной остановки с заходом в продуктовый магазин был заложен, что называется, в подсознание или системную память. Как говорится, сапоги дорогу знают. И с вы-

бором вопросов не было. Хотя стараниями первого президента ассортимент нынче не чета совковому, но, конечно же, я возьму с собой именно ее – местную водку «Никита».

О «Никите» разговор особый. Когда впервые я ее покупал, то сделал ударение на второй слог. Продащица же – на последний. Это показалось очень романтичным. Одно дело что-то крестьянское, вроде Герасима, неизвестно для чего утопившего свое му-му, а другое дело мир тайн и соблазнов, плаща и кинжала, мужества и красоты, любви и смерти. Ведь ее же звали Никита, с ударением именно на последний слог.

Увы, мои грезы накрылись медным тазом. На этикетке были нарисованы два гусара на лошадях. Может быть, они были и противоположного пола, или даже «престижной нетрадиционной» ориентации, но на Никиту там не тянула даже лошадь. Да пес с ним, с названием, лишь бы была вкусной. Если это вообще возможно сказать о национальном напитке.

И вот примерно через полчаса я уже спускаюсь от женского монастыря к реке. Интересно получается, за стеной женщины, а под стеной матросы, рыбаки и прочие особи мужского пола. Это притом, что в Библии ясно сказано, что не избегайте друг друга, разве по согласию.

Но такое согласие может получить только женщина, если она лахудра лахудрой, и лахудрой погоняет. Не случайно, что в христианских церквях всех конфессий так мало симпатичных лиц. Поскольку же человек есть образ и подобие Бога, то тут определенно без бесов не обошлось. Не зря вокруг мо-

настырей такие высоченные стены.

Но вокруг настолько хорошо, что хочется не думать о церковном лицемерии, а остаться здесь и попытаться ловить то, что называется словом «судак». Тем более, что имеется успешный опыт поимки, правда летом, зато именно здесь. Однако, что называется, не одна я в поле кувыркалась. На берегу уже было несколько фигур таких же праздничных и солнечных. Любимые места были, конечно же, заняты. Ну что же делать, и Рим пал, и Советский Союз, и Христос был распят, пойду дальше.

Самый короткий путь – это через совхозное поле. На поле тоже маячили несколько фигур. Они выкапывали остатки того, что на канцелярском языке называется плодоовощной продукцией, а проще говоря, свеклу и морковь.

Чуть было не сказал «моркву». Когда я учился в школе, то у нас было нечто вроде гимна эксплуатации детского труда, который начинался со слов: «Опять колхоз, опять морква...». А дальше шло перечисление прозвищ ненавистных училков. Чьи имена и память все тревожить не будем. Ведь они тоже таскались на поле не по своей воле. Одно слово – система. Хотя, с другой стороны училка в роли вертухая, зачастую добровольно и с удовольствием, это и наша нынешняя действительность.

На поле ждал сюрприз на букву «х», но притом совсем не хороший. Хоть через поле и идет бетонная дорога, но уложена она не как нужно, а как всегда. Это значит, что в отдель-

ных местах поле оказывается выше бетонных плит и на них соответственно собирается дождевая вода.

Нечто похожее было в мою юношескую пору, когда я слесарил на заводе. На крыше цеха по углам имелись водостоки, но вода по ним не стекала, а скапливалась в середине, периодически проливаясь сквозь крышу на головы работяг. И вот нас, то есть алкоголиков, тунеядцев, прогульщиков и комсомольско-молодежную прослойку посылали гонять эту воду от центра к стокам. Работа была – счастье бездельника.

Однако, в данный момент, я к бездельникам мог быть отнесен лишь условно, поскольку целеустремленно двигался вперед к желанной реке. Ситуация была осложнена еще тем, что ночью был заморозок и вода в этих лужах сверху замерзла. И сколько подо льдом воды, неизвестно. А вот обойти по полю тоже не фонтан, солнышко ведь, и слой грязи там по колено.

Одет же я празднично, кроме разве что куртки, которая имеет особо живописный вид, хоть и не очень праздничный. Приобретенная в эпоху первоначального накопления капитала, а именно в начале девяностых, качество имела соответствующее. Походив в ней сезон, я использовал ее в хозяйстве. То есть для походов в гараж, за картошкой, на рыбалку и так далее. А когда переехал в квартиру, то повесил на балкон. Сторона солнечная, цвет ее черный, а качество низкое. Соответственно то, что попало под солнечный цвет, стало светло серым, а то, что нет, осталось черным. Общий

цвет стал пятнисто-полосатым.

Плюс к этому еще одна подробность. Как-то ранней весной мы жарили шашлык во дворе. Я был как раз в этой куртке. И вот после шашлыка и огненной воды было решено сжечь в мангале новогоднюю елку. Как раз она уже давно валялась во дворе. Для любителей искусственных елок поясняю. Настоящая, лесная елка создание смолистое. И если ее высушить и зажечь, то будет нечто вроде китайского фейерверка.

Все это я испытал на собственной шкуре, причем в буквальном смысле. Воткнутая в мангал она вспыхнула, и горящие иголки посыпались во все стороны. Моя шкура, если даже и пальцем делана, зато еще в эпоху развитого социализма, поэтому выдержала. Волосы отрасли. Ожоги затянулись.

Вот куртке, как сделанной уже в последующую эпоху, не повезло. После «елочной» атаки она напоминала решето. А после солнечных ванн, как уже ранее говорилось, еще и пятнистое или полосатое. Интересно, что думают обо мне окружающие.

Итак, впереди сверкающая гладь перволедья. Но, в конце концов, разве не праздник сегодня. И разве не сегодня именно такая замечательная погода. С криками – «банзай, за императора, и слава Одину» – бегу вперед по дороге. Ну и пусть, что напоминаю корову на льду, все равно никто не видит. Копатели корнеплодов не в счет.

Путь благополучно пройден, и я на желанном берегу.

Странное ощущение. Вроде река та же. И кусты те же. Вот даже валяется моя банка из-под червей. Она там валяется еще с середины августа. На другом берегу тот же кусок пляжа и те же дачи.

Но все изменилось. И дело не в том, что вода поднялась и залила прибрежные кусты. И не в том, что ветер гнал вдоль течения свинцового цвета волны. Просто ноябрь пора увядания. А ведь также и человек. В Библии сказано об этом очень точно, что дни человека как трава, как цвет полевой. Пройдет над ним ветер, и нет его.

Ведь давно уже не юноша, и неумолимая статистика говорит о том, что почти все уже позади. Правда, в Библии написано и другое, что дней наших семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят. Это меняет дело. Что-то еще осталось, к тому же много пришлось на школу, армию, семейную жизнь и прочую обязательку.

И еще надо учесть, что родился я в год тигра. А для тигров настоящая жизнь начинается только с восьмидесяти пяти лет, с возраста патриархов. Так значит у меня впереди еще целая вечность. Может, еще и очередная любовь еще не раз встретится. Нет, за это решительно надо выпить. Стакан есть, ведь пить из горлышка, как нам известно из классики жанра, суета и томление духа.

Для этого я уселся на любимую кочку над самой водой. Ну и пусть ноябрь пора увядания, но не пройдет и полугода и вновь все расцветет. И пора любви вновь будет звать

и манить. И вообще Моисей прожил сто двадцать лет, а библейский старец Мафусаил ухитрился до девяносто шестидесяти. И по преданию умер, кстати говоря, не естественной смертью от старости, а утонул во время всемирного потопа. И был великим грешником, раз в ковчег не взяли. Так что все еще только начинается.

А сейчас сто пятьдесят прогонят осколки моих грустных мыслей. Так и случилось. И не надо слов о пьянстве и алкоголизме. Ведь согласно Библии вино согревает сердце и веселит душу. И более того, это Божий дар. Правда написано, что не упивайтесь вином, от которого бывает распутство. Но, следует обратить внимание, именно потому, что бывает распутство. Однако в моем положении на берегу речки, в холодном ноябре, о каком распутстве может идти речь. Да и вообще верующему все содействует ко благу. Так что можно смело наливать свой любимый напиток в любимый стакан.

Мелькает правда мысль, может быть все-таки попробовать и рыбу половить. Мелькает и гаснет. Раз сижу на берегу речки, значит, рыбалка состоялась. А о рыбу только руки пачкать. И это в лучшем случае. Скорее же всего будет только хлестанье воды.

Из школьного учебника истории мы знаем, что персидский царь приказал высечь море. Что тут сказать, кроме того, что у царей свои дороги. А у меня же к каким либо подобным действиям душа ну просто никак не лежит. Разомлел на своей любимой кочке, как кошка на печи.

И вообще есть среди рыбаков примета, что если ветер вдоль течения, то клева не жди. Не знаю, верно ли это на самом деле. Как-то зашел разговор о том, рыбаки мы или рыболовы. В конечном итоге пришли к выводу, что рыболовы это ближе к профессионализму, а рыбаки это вроде нас. Хотя с другой стороны апостолы Петр, Иоанн и Андрей хоть и были рыболовами, но не могли без помощи Христа и карася поймать.

Вот более интересно, что мысли о смысле жизни и прочих высоких материях в процессе употребления у меня возникают либо в одиночестве, либо в компании с близкой женщиной, особенно именно после близости. А в остальных компаниях мысли и разговоры о делах суетных и никчемных. Не знаю в чем тут дело. Хотя однажды одна из них сказала мне, что все дело в том, что я трепло кукурузное.

Ну и пусть. Такие тоже нужны. Вот хотя бы Чук был заправливым и домовитым, а Гек только и умел, что петь песни. Но вместе они были намного интереснее, чем порознь. На моем фоне все положительное будет смотреться гораздо эффектнее.

Однако незаметно день клонится к закату. Удлинились тени, и народ с окрестностей разошелся. Да и холодает. Пора на посошок и подаваться к дому. Осталось на доньшке, оставим на момент расставания с рекой. Бреду сквозь кусты вдоль берега к пляжу. Пока добрался, солнце уже село и опустились ранние сумерки. На небе нарисовались первые звезд

ды. Пляж голый как коленка, вокруг ни души. В роли первого человека чувствую себя комфортно. Ведь внутри сидит уже почти пол-литра.

Вот еще последние бульканья сначала из бутылки в стакан, а затем по прямому назначению. Бутылка остается на пляже напоминанием о цивилизации, а сам я шагаю по направлению к огням города. Пол-литра груз приличный, но на землю не тянет, и вернуться не обещает. Все-таки «Никита» хоть и крестьянское название, но напиток действительно национальный. Прославим же Господа за дарованные нам радости жизни. Но об этом я думал уже дома, после ужина и ванны, засыпая.

Зима

В колледже начался курс по лидерству. Преподаватель курса лидерства определил его как способность оказывать влияние. Тогда я спросил:

– Уборщица, моющая в магазине пол под ногами покупателей в час пик, оказывает ли влияние?

– Определенное конечно оказывает.

– Тогда о чем мы говорим? Значит лидерство – это не способность оказывать влияние как таковое, а нечто иное. – Может быть, Вы знаете?

Американец заметно занервничал, что было заметно даже с учетом наличия переводчика.

– Конечно, знаю. Лидерство – это способность вести за собой, знать куда идти и в пути никого не потерять.

– Откуда у Вас такое определение?

Это был уже крик души по-американски.

– Как это откуда? Из Библии, конечно. А вы свое откуда взяли?

Мое выступление, разумеется, без внимания руководства не осталось, да еще добавился вопрос с тестированием. Мы все, шестьдесят студентов, прошли тест на способность к лидерству. Из шестидесяти таких оказалось только двое, да еще один самостоятельный работник, это я. Все остальные были типичными рядовыми исполнителями. Нет, я ниче-

го не имею против, они тоже нужны и важны, только вот колледж заявляет, что готовит именно лидеров. Конечно, я не утерпел и выплеснул весь сарказм.

Масла в огонь подлил еще один как бы тест. Мы все должны были охарактеризовать друг друга, в смысле каждый каждого, одним словом. То есть, конечно же, не к примеру: мужчина – женщина, толстый – худой, москаль – хохол, казак – кацап и тому подобное, а назвать наиболее ярко выраженное качество характера. Большинство охарактеризовало меня несколько для меня неожиданно – злой. Твою мать, да и только.

Тем не менее, не смотря на то, что карты явно легли неудачно, решаю, что свою позицию по лидерству надо максимально зафиксировать, пока поезд не ушел. Поэтому в очередной раз выхожу за кафедру в колледже для проповеди. Темой как раз становится лидерство, как форма служения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.